

— Где здесь Сорнева, газета «Наш Город»?!
Сорнева, отзовитесь! — громко крикнула в зал секретарь жюри Зинаида Ивановна.

— Я Сорнева! Я — «Наш Город», — как на переключке, ответила Юля.

— Подойдите сюда, пожалуйста.

Юлька подошла к помещению, где заседало жюри. Жюри, нужно сказать, было профессиональное: там собрались многие мэтры от журналистики.

— Юлечка, мы тут спорим по поводу ваших публикаций, даже Марк Александрович попросил вас зайти к нему.

— Марк Александрович — это Бельстон?

— Да, это председатель жюри Марк Александрович Бельстон.

— Но он в журналистике ничего не понимает, — шепотом сказала Юлька. — Что мне к нему идти?

Ивановна.
— Иду, иду, иду.

Она прошла десяток метров по коридору и постучалась в темную дверь с приклеенной бумажкой «Зинаида Ивановна». За дверью Бельстон.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Большие девочки тоже делают глупости

Людмила
ФЕРРИС

— Ну вот, еще сразу и открывает!

Юлька, потупив глаза, двинулась к двери.

Зинаида Ивановна.

— Стучи сильнее! — крикнула она.

Юлька постучала еще раз, а потом толкнула дверь, та заскрипела и открылась.

— Марк Александрович, это журналист Юлия Сорнева. Вы просили меня зайти!

В ответ — тишина. Юлька пятнулась, не веря сво-

им глазам. Марк Бельстон сидел за столом с пробитой головой.

— Марк Александрович, что с вами? — запинаясь, сказала она и поняла, что на этот вопрос ей ответа не будет.

Юля перевела дух и огляделась.

— Вы меня слышите?

Он не шевельнулся.

На столе лежали разбросанные письма, и Юлька, оживившись журналистскому инстинкту, мгновенно вырвала их из кабинета, не успев сделать фотографию на телефон.

«Дичинная девка, — сказала она себе. — Какая дичинная!!! Первым делом в себе срабывает журналист, а потом человек».

Юлька закричала:
— Зинаида Ивановна! Зинаида Ивановна!

— Ты так быстро поговорила?

— Немедленно звоните в «Скорую» и в полицию!

— Зачем? — у женщины округлились глаза.

— **У него пробита голова, кровь на столе и вокруг.**

— Кого голова? — прокричала недоумевая Зинаида Ивановна.

— Да вы с вас к черту! Голова пробита у нашего председателя жюри!

Юлька набрала телефон «Скорой», потом позвонила в полицию.

— **Перекройте коридор,**

Людмила Феррис
Большие девочки
тоже делают глупости
Серия «Журналистское
расследование (ЭКСМО)»
Серия «Юлия Сорнева», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31262725
Большие девочки тоже делают глупости: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-699-98626-2

Аннотация

На фестиваль прессы журналистку Юлию Сорневу направила родная газета. Там ее неожиданно вызвал к себе председатель жюри, генеральный директор компании «Грин-авиа» Марк Бельстон. Войдя в его кабинет, Юля обнаружила олигарха с проломленной головой. Девушка не знала, что от нее понадобилось влиятельному бизнесмену, ведь они даже не были знакомы, но чувствовала ответственность за его судьбу, вдобавок она не могла упустить такую горячую тему для репортажа... Когда-то два бедных брата-близнеца, Марк и Лев, по расчету женились на сестрах-близнецах Гранц – мягкой терпеливой Соне и резкой, экстравагантной Фриде. Их отец дал основной капитал

на создание авиакомпании. Ни одно важное решение без него не принималось. Кроме того, он бдительно следил за тем, чтобы братья не обижали его дочерей. Но где искать причину нападения на Марка – в его деловой или все же личной жизни?

Содержание

Глава 1. Анна Красновская	6
Глава 2. Спектакль на бумаге	13
Глава 3. Близнецы-братья	20
Глава 4. Танька-потеряшка	28
Глава 5. Фестивальные истории	37
Глава 6. Когда на тебя покушаются	47
Глава 7. Что бывает, когда не слушаются главреда	57
Глава 8. Фрида и Соня	66
Глава 9. Приметы следователя Аванесова	76
Глава 10. Лев Бельстон	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Людмила Феррис
Большие девочки
тоже делают глупости

© Феррис Л., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1. Анна Красновская

До взрыва ее машины оставалось семь минут. Хозяйку машины звали Анна Красновская, было ей тридцать лет, и о каких-то проблемах, которые обрушатся на нее сегодня, она совершенно не догадывалась. Это было и правдой, и ложью: с тех пор как в ее жизни появился Марк Бельстон, она забыла о многих трудностях, в том числе и финансовых, но появились другие, не менее серьезные. Как было лучше – до встречи с ним или после, – Анна старалась не думать.

Женщина была хороша собой: иссиня-черные волосы ниспадали по плечам густой волной, изящные лодыжки – подарок природы – скромно выглядывали из-под подола длинного черного платья. Эта точеность, элегантность и легкость делали хозяйку роскошных волос трепетно-нежной. Такой ее и заметил Марк, такой и увлекся. Терять Анне Красновской было абсолютно нечего, да и кто бы отказался от внимания босса, директора, мужчины, о взглядах и внимании которого мечтали все женщины авиакомпании! Марк Александрович Бельстон был генеральным директором авиакомпании «Грин-авиа», где Анна работала простым кассиром. Была ли эта история сказкой про Золушку, неизвестно, потому что прекрасный финал здесь предполагался едва ли. За плечами у Анны был неудачный брак, неудачный, потому что муж постоянно пил – от радости, от горя, от проблем на ра-

боте. Выпив, он становился агрессивным, обязательно напоминал ей, что именно она пришла на его жилплощадь, а не наоборот, что он зарабатывает в несколько раз больше ее, терпит ее мать, сестру, а она должна терпеть то, что ему иногда хочется расслабиться.

– Да брось ты его к черту! – уговаривала Анну старшая сестра Лиза.

– А ты вот замуж не вышла, с матерью живешь – чего хорошего тоже! У меня все-таки муж есть, – возражала Анна.

– Да лучше никакого мужа, чем такая пьянь! – Лиза была категорична. – Посмотри, в кого ты превратилась!

Анна понимала, что Лиза говорит правду. Старшая сестра все время ее опекала. Лиза всегда была правильной и правдивой девочкой, только ее правда зачастую никому не была нужна. Правда больно ранила, и с Лизой переставали общаться, это касалось всех, но только не младшей сестры. Анна уважала старшую сестру и была привязана к ней. Возразить по поводу мужа ей было нечего. Анна терпела год, а потом переехала назад к сестре и матери. Марк Бельстон встретился ей на следующий день. Потом, когда Анна пыталась анализировать дальнейшие события, она часто думала, что ничего не происходит само по себе. Это как шары в бильярде, которые любил когда-то катать папа. События – словно круглые бильярдные тела, где ни один шар не покатится сам по себе и не изменит свою траекторию самостоятельно, и даже если он стоит на месте, то оказывает влияние на весь ход

игры. Случайностей не бывает, бывает только стечение обстоятельств. Когда в ее жизни образовалась душевная пустота, кто-то свыше решил подарить ей «рождественский пряничек», иначе как расценивать этот поворот судьбы и появление в ее жизни Марка? Она ни на что не надеялась, ни на какие отношения с мужчинами, но отказаться от подарка судьбы не смогла.

В этот день на смене заболел старший кассир, и когда позвонили из приемной генерального и попросили зайти, чтобы забрать какие-то отчетные документы, отправили Красновскую. Анна никогда не бывала в приемной авиакомпании, но зашла уверенно, представилась. Секретарь нервно и быстро говорила по телефону и кивнула: присядьте.

Анна опустилась в мягкое кожаное кресло невероятного оливкового цвета.

– Непрактично! – сказала бы про такой цвет Лиза.

Анна никогда не видела дивана и кресел такого нежного, воздушного цвета. Было в нем какое-то сдержанное благородство, загадочность, уверенность и спокойствие.

«Сказка», – пробормотала она и огляделась.

– Вам нравится этот цвет? – Мужской голос раздался совсем рядом, и его обладателем был сам генеральный директор авиакомпании «Грин-авиа» Марк Александрович Бельстон. Анна так растерялась, что вскочила с кресла и лишь краем глаза заметила, как вытянулась по стойке смирно секретарь.

– Мне тоже этот цвет показался необычным, и сейчас я понимаю, что выбор был сделан правильно – здесь сразу улучшается настроение.

Анна молча кивнула, мужчина улыбнулся и скрылся за дверью кабинета. Она возвращалась на рабочее место с бумагами в руках, уговаривая сильно колотящееся сердце: «Спокойствие, только спокойствие. Ты, конечно, попала под обаяние генерального, о нем легенды ходят. Не ведись, не придумывай, не мечтай».

Но когда на следующий день ее сотовый телефон как-то необычно запищал, она вдруг сказала себе: это он! И не ошиблась.

– Анна Красновская, ты какую кухню предпочитаешь? – спросил Бельстон, словно они расстались только что и были знакомы лет десять, не меньше.

– Домашнюю, где вкусно готовят.

– Хорошо. Жду в двадцать часов у выхода «Д».

Этот выход был Анне хорошо знаком, поскольку находился аккурат напротив ее рабочего места. Нет, их встреча не была случайностью, она стала для Анны Красновской судьбоносной.

Что она знала о нем до этого? Самую малость официальной информации плюс сплетни и слухи, которые всегда присутствуют в женских коллективах. Два брата-близнеца, Марк и Лев Бельстоны, несколько лет назад создали крупную сибирскую авиакомпанию, которая стала успешной. Они были

не только учредителями компании, но и осуществляли руководство. Марк занимал должность генерального директора «Грин-авиа», а Лев – главного инженера. Марка она видела дважды издалека, и он производил впечатление уверенного в себе человека, в нем привлекали какая-то особая харизма, элегантность и обаятельная улыбка. Второго брата Анна тоже видела издалека, братья были очень похожи внешне, но различить их было достаточно просто: Лев Александрович Бельстон походил на сдутый воздушный шарик. Никакой энергетики, поэтому женщины авиакомпании тайно вздыхали только по Марку. Братья, по национальности евреи, были женаты тоже на сестрах – Соне и Фриде. В каждой семье воспитывалось по дочке. На этом официальная часть биографии заканчивалась, все остальное подпитывалось слухами. Среди них были особенно интересны главные: что жены у Бельстонов покладистые, не работают, занимаются воспитанием детей. Фрида держит Льва под контролем, а Марк – мужчина более самостоятельный – иногда закатывается со стюардессами в какие-нибудь дальние края, например в Корею, куда летают самолеты авиакомпании, и там позволяет себе «оторваться». Но подтверждения этим слухам не было – на то и слухи, чтобы дамочки позволили себе почесать языками, а потом опять погрузиться в работу. Анна Красновская ни на секунду не сомневалась, выходить ей к выходу «Д» или нет. Это был ее шанс, и упустить его она не могла.

Анна достала из сумки ключи от машины, они почему-то

имели обыкновение прятаться в складках сумочки так, что их приходилось подолгу выщипывать.

– Ну наконец! – Машина радостно пискнула, и Анна сделала шаг навстречу, но тут услышала тихий звук.

– Так и знала! – Недавно подаренный Марком серебряный браслет, у которого оказался неважный, слабый замок, упал на землю. Как хорошо, что она услышала звук, а то бы уехала и потом горевала о дорогой вещице. Женщина наклонилась, чтобы подобрать украшение, и тут услышала взрыв. Ее машина, ее новенький «Форд», купленный всего полгода назад, вспыхнул, как одна большая газовая горелка. Куски машины взлетали в воздух, и Анна укрылась за детскими качелями.

«Господи, за что мне это, господи!» – Она прижала к губам серебряный браслет. Да если бы не он, она бы тоже стала вот таким маленьким обгоревшим кусочком. Слезы текли по ее щекам, она не могла оторвать взгляда от горящего костра с железными обломками, которые когда-то были ее любимой машиной. Анна инстинктивно бросилась бежать, только вот куда и к кому, пока не понимала. Она знала, что скажет старшая сестра Лиза, которая осуждала Анну за эту «постыдную связь», знала, что ее будет искать Марк, но чувствовала, что ей нужно какое-то время переждать. Человек, который решил ее уничтожить, не успокоится. Он узнает, что взорвалась только машина, а она, Анна Красновская, любовница Генерального, осталась жива и невредима. Он или она повторят свою попытку уничтожить Анну, и это повторение очень

опасно для нее, а самое главное – для ее будущего ребенка, о котором никто не знает, даже Марк. Она думала, что на днях скажет ему об этом, и гадала, какова будет реакция. Понятно, что его жена будет явно не в восторге, к тому же Марк ничего и никогда ей не обещал и даже не обсуждал тему возможного супружества.

Анна сама рисовала яркие картинки их будущего, прекрасно понимая, что никакого будущего нет, нет и не будет. Она сама пошла на риск, решив оставить ребенка. Она очень хотела малыша, который, чего в жизни не бывает, изменит ее судьбу в лучшую сторону. Лиза тоже все время твердила ей о ребенке.

– Раз ты вляпалась, так хоть роди. Иначе он тебя бросит. – Лиза всегда говорила правду. – Тебе надо родить, и тогда он не отвернется.

– Неужели ты думаешь, что он оставит ради меня семью?

Анна и сама знала, что их отношения зашли в тупик. Но разве она могла предположить, что кто-то решится ее убить?

Глава 2. Спектакль на бумаге

Журналисту газеты «Наш город» Юлии Сорневой герой не нравился. Всех своих героев она обычно искренне любила, привязывалась к ним, поддерживала отношения после интервью, поздравляла с днем рождения, но вот этот человек почему-то оставил ее равнодушной, не вызвал эмоций, а наоборот, напряг. Что-то ее беспокоило, что-то было не так, от него исходили флюиды тревожной энергетики. Подумаешь, семнадцатый сын в семье охотника-эвенка, рос в интернате, окончил институт! Конечно, хватка у Атросима Иванова, так величали ее героя, чувствовалась, но как же иначе выживать маленькому эвенку в большом мире?

Почему нынешняя история ее не трогала, не располагала, Юлька ответить не могла. Общение журналиста с героем – вообще субстанция хрупкая, одно неверное слово, один неверный жест – и контакта нет, все, можно закругляться. Юлька чувствовала, что невидимая ниточка, которая была протянута ею к герою и которая должны была их соединить, растворялась в пространстве. Юлька наконец поняла, в чем дело: она просто не доверяла собеседнику, очень хотела, но не могла. Было в нем что-то такое, не поддающееся ее пониманию. Не машина же она, наконец, по производству текстов в газету, не может каждый материал быть написан с частичкой души! Но как передать героя в тексте, на бумаге, пока

она понимает, что надо будет играть спектакль?

Ее учитель, главный редактор газеты Егор Заурский, утверждал, что героя можно раскрыть только тогда, когда раскрываешься сам. Тогда возникает ощущение героя. Нынче Сорневой раскрываться совсем не хотелось – у Атросима были глаза-буравчики, и они неприятно сверлили Юльку.

– Юля, у вас какие-то проблемы? Ваши энергетические каналы заблокированы.

«Разве могут быть чистыми каналы от таких взглядов!» – подумала она, а вслух произнесла:

– У меня масса проблем, как у любого человека, вот и каналы замусорены.

– Я могу вам помочь. Давайте проведу сеанс. Кстати, у вас большой потенциал, Юля! Мне надо посмотреть вашу энергетическую карту.

– Спасибо, спасибо, я уж как-нибудь сама. – Юля встала, изобразив на лице улыбку. Ей хотелось побыстрее уйти. – Спасибо за интервью. Мне еще надо поработать с материалом. Если будут какие-то вопросы, я позвоню.

В приемной главреда стоял громкий хохот. Смешно верещала корректор Римма, вытирала слезы ответсек Мила Сергеевна, повизгивала Надя Жмурова. Юлька успела услышать рассказ Егора Петровича, который на днях приехал из алтайского санатория. Его сосед за столиком оказался мужчиной словоохотливым, активным и все время уговаривал сходить на танцы. Егор Петрович отказывался составить ему компа-

нию, но сосед недолго томился в одиночестве – познакомился с приятной привлекательной женщиной, которой тут же рассказал, что он вдовец, а значит, перспективный жених, у которого все в руках горит: он и печь сложить может, и мебель сделать.

– Женщина на меня глаз положила, я ей явно понравился, танцуем уже второй день, – делился он за обедом с Заурским.

Через два дня мужчина в столовую не пришел.

«Ну, решил мужик оторваться на отдыхе», – подумал тогда Заурский, но когда прошло два дня, а сосед так и не появился, заволновался и обратился к администратору.

– Его уже два дня нет в столовой, – сообщил Егор Петрович.

– Если пройдет еще один день и он не появится, тогда будем что-то предпринимать, – ответил администратор. – А пока я доложу наверх.

В обед следующего дня пропавший сосед появился, выглядел он подавленно. Как оказалось, женщина была местной и пригласила его домой. Только они сели за стол, уставленный напитками, как в комнату вошел свирепого вида мужчина и спросил:

– Это ты, что ли, печь можешь сложить?

– Я...

– За работу! Ты что думаешь, жрать сюда пришел и с моей бабой забавляться?

– Почти три дня без сна и отдыха бедняга клал печь. Кор-

мили его хлебом с водой, а когда третий день был на исходе, отвезли назад в санаторий. Окончания путевки мужчина дожидаться не стал, срочно уехал домой.

– Вот тетки дают! Нашла дармовую рабочую силу – печь ей сложили! – охала Мила Петровна.

– В полицию почему не заявили? – подала голос Юлька.

– А что полиции предъявить? Он сам к ней в гости пришел. Незаконное удержание? Но это еще доказать надо! Может, он, обалдев от любви к ней, решил сделать презент, сложить печь. Память о себе оставить.

– Ну ладно, повеселил я вас, девчонки, мужскими приключениями на отдыхе, давайте теперь работать. Сорнева, ты зайди ко мне, дело есть. – Егор Петрович кивком указал Юле на свой кабинет.

– Девочка моя, когда очерк сдашь?

– Да завтра, Егор Петрович, завтра!

– А что вдруг раздражение в голосе? Герой подкачал? – Заурский, как всегда, схватывал главное. – Знаешь, раньше такая дата праздничная в календаре была – образование СССР. Вот в ту тему твой семнадцатый сын точно бы вписался.

– Он не мой сын, а охотника-эвенка. Очень странный мужчина.

– У него бабка шаманкой в стойбище была. Он тоже не так прост, как кажется. Экстрасенс. Люди к нему обращаются.

– А вы откуда знаете? Вы же его не видели.

– Вот если бы я ничего не знал, то на этом месте не сидел. Знаю, и все. Но материал о том, что в нашей стране дети охотника-эвенка могут достигнуть высот на Большой земле, должен получиться.

– Ну, тогда понятно, почему он мне про энергетические каналы заливал, сказал, что их надо чистить.

– Это и я хочу тебе предложить!

– Вы тоже чистите энергетические каналы? Никогда об этом не знала, Егор Петрович!

– Я все чищу: душу, каналы. Метод у меня один: чищу работой.

– О-о-о... – разочарованно протянула Сорнева. – Про этот ваш метод я знаю: нам хлеба не надо, работу давай, она решит все проблемы, а если не решит, то будет еще дополнительная рабочая нагрузка.

– Напрасно иронизируете, девушка. Завтра к обеду сдаешь очерк, а вечером у тебя поезд, ты едешь от газеты на фестиваль прессы «Сибирская панорама». Ты помнишь, мы туда отослали несколько работ, в том числе две твои статьи, так что ты полномочный участник престижного конкурса.

– Так ведь вы хотели ехать!

– Виктория у меня приболела, не могу одну оставить. А потом, я на стольких конкурсах побывал... А ты, может, какую идею новую для газеты привезешь, контакты опять же установишь. Плейбой твой, как я понимаю, опять к себе на родину укатил?

– Он через месяц вернется. – Юльке не хотелось обсуждать с Егором Петровичем свою личную жизнь. Это ведь только ее дело, и она не ждет никаких советов, даже от уважаемых людей.

С американцем Кевином, с которым она познакомилась на «Фейсбуке», они вместе уже год, но работа в компьютерной корпорации так важна для него, что он все не принимает решение навсегда остаться в России. Юлька не будет его торопить, она знает, что они с Кевином любят друг друга, а остальное не важно, остальное подождет.

– Хорошо, Егор Петрович, надо так надо. Я поеду.

– Ну и молодец, Сорнева, я знал, что ты девчонка понимающая.

– Слово «молодец», между прочим, мужского рода!

– Зря я тебя хвалил, с начальством оговариваешься!

Домой она пришла в хорошем настроении.

– Проедусь, с коллегами пообщаюсь. – Она уже знала, какие темы можно зацепить в разговоре, чтобы потом получился интересный материал. Юлька открыла Интернет.

– Местность надо сначала изучить: куда поеду, что за фестиваль прессы, чего они там будут «фестивалить».

Если бы журналист Сорнева хотя бы на минутку предположила, чем обернется ее командировка, она бы никогда не села в поезд. А пока, пока ей хотелось получить о городе как можно больше информации. На фестивалях и прочих ту-совках она еще никогда не бывала, и предвкушение нового,

неизведанного будоражило ее воображение.

Потом она села за очерк, расшифровывала записанный на диктофон текст, и герой получился славный и симпатичный, даром что семнадцатый ребенок в семье охотника-эвенка.

Глава 3. Близнецы-братья

Марк Бельстон с самого детства знал, что ему надо будет бороться за выживание. Он чувствовал себя старшим, несмотря на то что родился раньше Льва только на три минуты. Это короткое время дало ему право принимать решения за брата и брать ответственность на себя.

Окружающие восхищались внешне одинаковыми мальчиками, отмечали их среди других детей. Семья жила трудно: мать-учительница и папа-инженер зарабатывали немного, но дети всегда были чистыми и опрятными и знали, как себя вести. Марк помнил, как еще в детском садике стыдился заштопанных маек и застиранных носков. В школе братьев спасала типовая форма одежды, при которой дети не выделялись по признакам благосостояния семьи. Марк и Лев Бельстоны всегда держались вместе, и любой знал, что, если заденет одного из братьев, дело будет иметь сразу с двумя. Близнецы действительно чувствовали друг друга единым целым и иногда пользовались своим сходством на уроке: один отвечал за другого. В старших классах они начали много читать про близнецов и поняли, что жизнь дала им уникальный шанс «двойного рождения». Мальчишки мечтали, что когда-нибудь обязательно примут участие в фестивале близнецов, да не где-нибудь, а в Америке, городе Твингсбурге, штат Огайо, куда каждый год в течение 30 лет съезжаются

тысячи пар близнецов. Марк считал, что они должны использовать свою похожесть и обязательно стать известными, как, например, борцы Анатолий и Сергей Белоглазовы, футболисты Алексей и Василий Березуцкие, а может, и как близнецы-музыканты, основатели группы «TheBeeGees» Морис и Робин Гибб. Но было еще одно, главное и непреодолимое желание – создать свою финансовую империю, империю Бельстонов, в которой они с братом были бы непобедимы. Но для этого нужны деньги, много денег. Внутренняя сила Марка, а за ним тянулся и Лев, была следствием его несокрушимой веры, что они с братом избранные.

Лев неплохо рисовал и подумывал о профессии архитектора, но Марк был неумолим: архитектор много не заработает, к тому же сам Марк не умел держать карандаш. В результате их выбор пал на Рижский институт гражданской авиации, после окончания которого братья вернулись в свой сибирский город. Начали они оба с должности сменного инженера, потом была должность начальника смены, и так по восходящей. Братья Бельстоны четко знали направление своего движения: вверх и только вверх. Три года работы «до пота» в авиакомпании принесли незначительные результаты, но они хорошо изучили дело на практике.

– Лева, нам нужен рывок, иначе мы никогда не поднимемся наверх.

– На какой верх, Марк? Тебе приготовили место в правительстве нашей страны? Я не помню, чтобы об этом говорил

наш папа. Там места передаются по наследству.

– Нам нужен новый ход, иначе мы с тобой погрязнем в работе, а нам важно не только движение, но и результат.

– Почему погрязнем, брат? Мы получили хорошее образование, устроились на хорошее место. Чем ты недоволен?

– Мы можем больше! Например, возглавить авиационно-техническую базу аэропорта.

– Ты всегда был мечтателем. Может, и возглавишь лет так через пятнадцать.

– Нет, мне надо сейчас, и я знаю, что делать!

– Ну, валяй, я готов тебя послушать.

– Нам надо жениться!

– Ты на завтрак принимал белену?

– Нам надо выгодно жениться.

– Ну, тебе всегда нравились девчонки, но ты их бросал, говорил, что скучно. Ты же знаешь, у меня Маша, у нас с ней серьезно.

– Это потому, что у тебя других девушек не было, а значит, не было выбора. Твоя Маша – глупости. Надо жениться на богатой и перспективной, такой, чтобы могла дать стартовый капитал нашей империи.

– А она, конечно, сидит и ждет, когда ее осчастливит бедный еврейский мальчик. Ты сам это придумал или в Интернете начитался?

– Я тебе дело говорю! Слушай! У главного инженера Гранца две дочери, тоже, кстати, близняшки, – Соня и Фрида.

– Немки?

– Немки, еврейки – да какая, к черту, разница! Я их видел, не страшные. Говорят, отец жаждет выдать их замуж.

– И что?

– Да то, что я уже начал процесс «подката» к самому Гранцу, а там и с дочерьми познакомимся.

– Авантюрист ты, братец! Нужны мы Гранцу!

– Нет, все реально! Девчонки, говорят, капризные, замуж хотят по любви. А любить они будут нас. Я все продумал. В следующем месяце у нас большое авиашоу, в прошлом году Гранц был там с семьей, значит, в этот раз познакомиться с ними – дело техники.

– А Машка?

– Пусть твоя Машка пока посидит в засаде, подождет своего часа, если ей повезет, конечно. Ну, вдруг ты Соней увлечешься или Фридой?

– А тебе кто-то уже понравился?

– Да можешь ты первый сделать выбор, мне все равно.

– Да не хочу я выбирать кота в мешке!

– Нет, брат, так дело не пойдет. У нашей империи уже видны очертания. В общем, тебе достается Фрида.

– Почему?

– Имя мне понравилось. Хорошее имя для твоей жены.

– Чудак ты, Марк.

Лева подумал, что, может, Марк и прав, тем более Машка стала как-то отдаляться от него, предъявлять претензии. Мо-

жет, их отношения, просто изжили себя? Не стали приносить радости? Что он заиклился на одной девушке, когда вокруг их десятки! Его держит сексуальная химия? Марк говорит, что они просто двигаются с ней в разных направлениях, как самолеты по разным траекториям. Принятое решение было не в пользу Машки.

Заманчивая идея выгодной женитьбы под настойчивые увещевания Марка как-то одномоментно увлекла братьев. Словом, к назначенному авиашоу близнецы были во всеоружии, и напрасно потом переживала все понимающая Маша, когда узнала, что после двух месяцев знакомства Марк и Лев Бельстон сыграли свадьбу, одну за другой, с дочерьми главного инженера авиакомпании Гранца – Соней и Фридой. Так и случилось, как будто они договорились: Лева женился на Фриде, а Соня стала женой Марка. Так был заложен первый исторический кирпичик в строительство империи Бельстонов.

Марк все правильно рассчитал: Гранц был не только главным инженером, но и влиятельным акционером сибирской авиакомпании, человеком известным, обеспеченным и предприимчивым. Через три месяца после женитьбы Марк Бельстон возглавил авиационно-техническую базу отряда, а Лева стал его замом. Дальнейшее передвижение по карьерной лестнице было сказочно стремительным, а когда дочери Гранца в один год родили девочек, папа Гранц вообще «отмяк» и купил каждой семье по дорогому коттеджу. Должности

братьев менялись с завидным постоянством, как времена года, и через семь лет Марк вместе с братом создал собственную авиакомпанию «Грин-авиа». Гранц руководил советом директоров, и многие принципиальные решения без него не принимались.

– Теперь наступает самое главное, мы должны не расслабляться и делать деньги, – провозгласил Марк, который возглавил авиакомпанию, тогда как Лев стал в ней главным инженером.

Искусство делать деньги было главным секретом братьев Бельстон, секретом, которым они никогда ни с кем не делились, лишь советовались со старым Гранцем и пользовались его связями. Через год «Грин-авиа» выкупила старую сибирскую авиакомпанию, и началось формирование авиационного альянса, в который вошли пять крупнейших авиакомпаний страны под брендом «Грин-авиа», и еще через год, по некоторым источникам, альянс под руководством братьев Бельстон занял четвертое место среди авиакомпаний страны по объемам перевозок.

Братья редко возвращались к истории создания своей империи, слишком много там было неприятных моментов: корыстные мотивы, предательство любимой женщины, ложь и фальшь семейных отношений и многое-многое другое, но все это с лихвой компенсировалось количеством денежных знаков, имеющихся теперь в их распоряжении.

– Ты счастлив, Марк? – однажды спросил Лева. – Только

не говори мне дежурных фраз о процветании империи. Как человек ты счастлив?

– Брат, у каждого свое понимание счастья. Я счастлив от работы, от того, что живы и здоровы наши родители и не влачат, как многие, жалкое существование на пенсии. Какое счастье ты имеешь в виду?

– Не прикидывайся идиотом, Марк, я этого не терплю.

– Отсутствие счастья в твоем понимании – это плата за нашу успешность, за финансовое благополучие, – гордо произнес Марк.

– Отстань! Я просто хочу с радостью приходить домой и не морщиться от неприязни, когда надо ложиться с женой в постель.

– Ты слишком многого хочешь от жизни, брат, – ответил Марк и подумал, что он и дальше будет заботиться о Леве как о младшем и не расскажет ему о том, какие тучи с криминальным оттенком проплывают над их воздушным альянсом, в какой финансовой яме может оказаться так трудно создававшаяся империя. Он справится сам, он продумает схему действий и только в крайнем случае, когда земля вдруг загорится под ногами, поделится слевой. Левка всегда был эмоционально уязвимым, любви ему, видите ли, захотелось. Если уж на душе погано, пусть вон заведет себе подружку, такую, как у него Анна Красновская – красивая и без претензий. Он даст этот совет брату, но чуть позже, Лева со своими представлениями о жизни еще не готов изменить жене.

Должно пройти еще немного времени, он сделает свой выбор, и станет легче, непременно станет. Марк знает это по себе.

Глава 4. Танька-потеряшка

Девочка сразу увидела этого мужчину, хотя вообще-то он не бросался в глаза и был совсем незаметным: черная куртка, в каких ходят сотни людей, надвинутая на глаза темная шапочка. Танька наблюдала за ним из своего убежища – из-за мусорного бака. Люди шли по своим делам, спешили, и никому, кроме нее, не было дела до незнакомца. Он, в отличие от прохожих, никуда не спешил и просто прохаживался по двору туда-сюда, поглядывая по сторонам, и Танька решила, что мужчина кого-то ищет или ждет. Девочка любила наблюдать за людьми, ее воображение всегда дорисовывало уличные картинки.

«Вон та женщина непременно должна быть учительницей, она строго сомкнула губы, натянула на голову берет и шагает быстро и прямо, как будто кто-то нарисовал для нее на асфальте специальную линию. А вот мужчина, прогуливавший собаку, должен быть очень добрым: он никогда не повышает голос на псину, зовет ее ласково «милая» и всегда кормит голубей пшеном».

Увиденный пятнадцать минут назад мужчина был каким-то лишним во дворе, ненастоящим, и поэтому, когда он нагнулся к стоящей машине и что-то положил туда, Танька не отрывала от него глаз. Ей казалось, что перед ней сейчас снимается приключенческий фильм про сокровища, она об

этом много читала и мечтала когда-нибудь обнаружить клад.

Впрочем, все это было в другой жизни, когда еще была жива мама, которая так любила Таньку. Таня вообще думала, что мамы всегда любят дочек, и каково же было ее удивление, когда в первом классе она услышала, как кричала на свою дочь мама ее соседки по парте:

– Ты debilка или прикидываешься?!

– Почему вы так разговариваете? – вступилась за одноклассницу Таня.

– А твое какое дело, малявка?!

– Я не малявка, я человек!

Дома мама очень спокойно и долго объясняла Тане, что люди бывают разные и что маленькие не могут делать замечания взрослым.

– А почему? – удивлялась Таня. – Разве взрослые всегда правы?

– Нет, не всегда, но делать замечания взрослому человеку ты не имеешь права.

– Даже если она обзывается?

– Даже если так, – вздохнула мама.

– Значит, в следующий раз пойду в милицию.

– Полицию, – поправила мама. – Сейчас это полиция. Мне кажется, ты слишком категорична, девочка моя. Мир состоит не только из черно-белых красок. Ты, как будущий художник, должна это понимать.

Таня, которая только поступила в художественную школу

и очень любила рисовать, не совсем поняла про краски, но осознала, что мама ее поступок не одобрила.

– Ты могла только попросить взрослого человека о чем-то. Пожалуйста, не веди себя так.

Таня молча кивнула – она привыкла слушаться и маму, и бабушку, но молчать она не сможет и не будет. Хорошо, она попросит взрослого человека не обзывать, хотя, если человек взрослый, он должен знать об этом сам.

Беда с этими взрослыми! Они говорят одно, делают другое и каждый раз что-то объясняют про сложную жизнь. С высоты своих лет Танька считала, что у нее сложностей нет, правда, отец как таковой у нее отсутствует, и мама не любит говорить на эту тему, а в остальном все прекрасно.

«Подумаешь, отец! Мужчинам нельзя верить, – говорила она себе, повторяя где-то услышанное. – Мама, наверное, поверила, а зря».

Девочка любила рассматривать мамины фотографии, и среди них была одна любимая: мама стоит в розовом платье под цветущим деревом и смеется, рядом с ней двое мужчин, которые тоже смеются. Было в этом фото радостное настроение и счастливая мама. Теперь мама всегда была усталой и печальной. Таня слышала, как бабушка шептала маме:

– Нельзя так много работать. Посмотри, на кого ты похожа!

– Мама, мне Танюшку в художке учить надо, чтобы она не хуже других была.

- Хуже других скоро будешь ты. Ты себя в зеркале видела?
- Некогда мне в зеркала смотреть.
- Ой, доведешь ты себя, дочка...

Потом мама заболела и долго лежала в кровати. Девочка брала ее за руку.

– Мама, когда ты поправишься?

– Скоро, доченька, скоро. Вот весна наступит, и поправлюсь. Пойдем с тобой к реке рисовать.

– Я обязательно речку нашу нарисую, а то в прошлый раз волны не получились.

– А ты покажи, что вы в художественной школе рисовали.

– Да горшки и прочую дребедень.

Мама смеялась тихим смехом.

– Давай показывай дребедень.

Таня бежала за папкой и любовно раскладывала рисунки.

– Чем тебе горшки не нравятся, ребенок? Это основа всех основ.

– Я хочу корабли рисовать и море.

– Кто научится рисовать горшки, тот обязательно будет рисовать корабли.

Весной мама умерла. Танька поняла это сразу же, когда увидела дома заплаканную бабушку.

– Ба, что-нибудь случилось?

– Да, Танечка. Мы остались с тобой вдвоем. Рак – это такая болезнь, которая не отпускает человека. Мама ушла от нас.

Куда мама ушла, Таня спрашивать не стала, но у гроба, посмотрев на лежащую там женщину, спросила:

– А где мама?

– Это мама, – ответила ей бабушка.

– Нет, ты же сказала, что мама ушла. Это чужая тетка.

Бабушка молча заплакала.

Таня не стала больше спрашивать о маме и решила, что взрослые опять чего-то недоговаривают. Не может чужая женщина, лежащая в гробу, быть ее красивой мамой. Маму, наверное, положили в больницу, и надолго, а бабушка что-то придумывает. Но мама домой так и не вернулась.

– Танечка, к сожалению, ты не сможешь больше ходить в художественную школу, – сказала как-то бабушка. – У меня маленькая пенсия, мы с тобой, конечно, выживем, но про школу придется забыть. По крайней мере, пока, а потом я что-нибудь придумаю.

Бабушка тоже умерла весной, когда Тане исполнилось двенадцать лет. Девочка считала себя уже совершенно взрослым человеком, потому что была самостоятельной: давно ходила в магазин за продуктами, покупала бабушке лекарства. Женщина из социальной службы, которая приносила бабушке пенсию, на похоронах пожалела Таню:

– Тебя, наверное, в детдом определяют. А может, родственники какие отыщутся? Отец твой где?

Танька молча пожала плечами. Родственников она никаких не знала, как ничего не знала и про отца, а в детский дом

она не пойдет, дудки всем важным взрослым, которые хотят ее туда запихнуть. Утром следующего дня она просто ушла из дому. Взяла оставшиеся деньги, оделась и пошла в город.

«А там что-нибудь придумаю», – мыслилось девочке.

Почти целый день она ездила на городских автобусах от конечной до конечной, пока кондуктор в одном из автобусов не спросила:

– Двойку, что ли, сегодня получила, катаешься? Домой идти не хочется?

Танька согласилась с кондукторшей, но из автобуса вышла и направилась в городской парк, где случайно и познакомилась с Тимой и Колей. Она сразу заметила мальчишек, которые стояли у кафе и жадно смотрели на еду.

– Есть хотите? Угощаю, пошли со мной. – И она царским жестом пригласила их в кафешку. Мальчишки упираться не стали, присели на белые пластмассовые стулья. Таня принесла всем чай и горячие беляши. Ребята вцепились в пирожки так жадно, что Танюшка им посочувствовала.

– Что же вы такие голодные? Как звать-то?

В ответ она услышала имена:

– Тима и Коля.

– Как будто вас три дня не кормили. – Девочка ощущала себя волшебницей, которая совершила чудо.

– Мы не ели со вчерашнего дня, – доверительно сообщил белобрысый. – А ты кто? – поинтересовался он.

– Я просто Таня. Танька-потеряшка.

– А кто тебя потерял?

– А меня просто никто не ищет. Где вы живете, друзья?

– В колодце.

– Как в колодце? Где?

– За молокозаводом сразу, там знаешь сколько колодцев,

и все теплые.

– А перекантоваться с вами можно, переночевать пару дней, пока я что-нибудь не придумаю.

– Можно, – не задумываясь, в один голос сказали мальчишки. – У нас места много.

Места в колодцах действительно было много, да и не колодцы это были, – подумалось Тане, – а катакомбы молокозавода, брошенного, почему-то оставленного людьми. В основание большого колодца были набросаны тряпки.

– Вот сколько места, выбирай. А можешь соседний колодец занять.

– А вы-то почему тут живете?

– Кольку батя сильно бьет, особенно когда выпьет, он и сбежал, а я приехал из другого города. С поезда меня сняли, хотели в приемник, а я сбежал.

– А дома что тебе не жилось?

– Хочу мир посмотреть, до Кубы доехать!

– До Кубы? Да зачем тебе Куба?!

– Нравится мне Фидель Кастро, хаа-роший он мужик, хочу в кубинскую армию записаться.

Танька решила не спорить с новыми товарищами в первый

день, кому ведь куда хочется – ей к маме, а другим вон на Кубу.

Несколько месяцев жизни в теплом колодце молокозавода пронеслись мгновенно. Утром дети отправлялись на поиски пропитания – на базар, к выходам из кафе и магазинов. Небольшие деньги, которые были у Тани, через месяц закончились. Потом из их компании исчез Колька, на что у Тимы была своя версия.

– Домой вернулся, к родителям. Он мамку очень жалел, все время за нее заступался. Говорил, что батя тоже хороший, только пьет и руки распускает.

Таня вдруг с грустью подумала, что она тоже не отказалась бы от отца, пусть любого. Отец ведь тоже родной человек.

Она спрашивала маму про своего отца, и ответ ее удивил.

– Танечка, у тебя нет отца.

– Мама, а так бывает?

– Бывает, доченька.

Таня почему-то легко поверила маме. Нет так нет.

Танька наконец поняла, почему она не может оторвать взгляд от незнакомца во дворе, – от мужчины исходили тревога и опасность. Тут из подъезда вышла красивая девушка, хозяйка машины. Девочка не раз видела ее за рулем этого автомобиля. Девушка остановилась, наклонилась, словно что-то потеряла на асфальте, и в это время раздался сильный взрыв.

– Ни фиги себе! – Танька поднялась на цыпочки и краем

глаза из-за мусорного бака увидела, как мужчина сел на лавочку у соседнего дома и наблюдает за происходящим.

Взрыв поднял машину в воздух, и от нее начали отваливаться обгоревшие куски. Девочка замерла.

«Как в кино! Супер!»

Таньке было видно, как девушка быстро побежала от полыхающей машины, и только тогда она связала произошедшее с незнакомцем.

«Вот козел, взорвал машину!»

Девочка каким-то внутренним чутьем поняла, что ей тоже надо отсюда бежать, иначе не поздоровится. Мужчина мог ее заметить.

Глава 5. Фестивальные истории

Юлия Сорнева никогда раньше не бывала на фестивалях прессы. Так сложилось, что на журналистские тусовки почти всегда ездила ответственный секретарь газеты «Наш город» Мила Сергеевна или главред Заурский. Но тут было дело принципа: во-первых, на ее нынешней командировке настаивал главред, во-вторых остальных тоже было все понятно: ее статьи вошли в шорт-лист фестиваля, признаны лучшими, и кто знает, вдруг молодой сибирский журналист Сорнева окажется в числе победителей престижного журналистского конкурса «Сибирская Панорама»?

Жюри возглавлял генеральный директор авиакомпании «Грин-авиа» Марк Бельстон. Об этом преуспевающем бизнесмене она была наслышана, читала и понимала, почему почетное место председателя досталось ему.

Конкурсы профессионального мастерства проводят чуть ли не в каждой сфере деятельности – от парикмахеров до шоферов. Для одних это возможность разнообразить рабочий график, шанс заявить о себе, для других – дань моде и развлечение. Но не всякий может собрать на участие в конкурсе деньги, а журналисты находят своеобразный выход из ситуации: в жюри, на место председателя, приглашается спонсор, и о нем каждый участник конкурса должен написать в своей газете. Понятно, что писать нужно только позитив.

– То есть опять занимаемся своей древнейшей, – прокомментировал позади Юльки женский голос.

– Ну, не хочешь – не занимайся, – парировал другой женский голосок, потоньше.

– А редактору я как отчитаюсь?

– Ну, тогда не выделывайся, а прославляй господина Бельстона.

– Да я не выделываюсь, но руки чешутся правду написать – про то, как он прихватизировал Сибирскую авиакомпанию, про подружек его многочисленных...

– Это пусть жену заботит, тебе какое дело?

– Председатель жюри все-таки, облик морале.

– Я тя умоляю!

Юлька развеселилась.

«Вот за что мне нравятся мои коллеги – всегда информированы, готовы поделиться информацией с окружающими, остры на язычок.

– Девчонки, давайте знакомиться. – В перерыве она пересела к двум девушкам, что шептались у нее за спиной. – Я Юлия Сорнева из «Нашего города».

– О! Это твоя работа вошла в шорт-лист? – бойко спросила маленькая. – Меня Фая звать, а это, – она толкнула в бок свою соседку, – Даша. Мы с Алтая. Твои статьи читали, молодец. Видела, какое строгое жюри?! А господин Бельстон ради сотни писак даже на время оставил свои самолеты!

– Ну, разве это плохо, девочки, раз нашего брата так це-

нят?

– Ага, ценят, когда мы их облизываем. Сейчас как раз мастер-класс по скорости лизания будет, минут десять до начала осталось.

– Где здесь Сорнева, газета «Наш город»?! Сорнева, отзовитесь! – громко крикнула в зал секретарь жюри Зинаида Ивановна.

– Я Сорнева! Я «Наш город»! – как на переключке ответила Юля.

– Подойдите сюда, пожалуйста.

Юлька подошла к помещению, где заседали жюри. Жюри, нужно сказать, было профессиональное, там собрались многие мэтры от журналистики.

– Юлечка, мы тут спорим по поводу ваших публикаций, и вот даже Марк Александрович попросил вас зайти к нему.

– Марк Александрович – это Бельстон?

– Да, это председатель жюри Марк Александрович Бельстон.

– Но он в журналистике ничего не понимает, – шепотом сказала Юлька. – Что мне к нему идти?

– Он понимает в деньгах, уж поверьте мне, девочка. Раз председатель жюри вас приглашает, сделайте одолжение, пройдите к нему в кабинет. Мы ему даже отдельные условия создали для работы, ну и лучшие статьи, что в шорт-лист вошли, он с удовольствием прочитал. Вас хвалил как интересного автора. Хотел поговорить. Сказал, что у него к вам дело.

«Какое у него может быть ко мне дело? Нужен мне ваш Бельстон и его самолеты!» – подумала про себя Юлька.

– Он ждет вас в кабинете, – настаивала Зинаида Ивановна.

– Иду, иду, иду.

Она прошла десяток метров по коридору и постучалась в темную дверь с приклеенной бумажкой «Председатель жюри». За дверью была тишина.

«Ну вот, еще сразу и не открывает!»

Юлька топталась под дверью и краем глаза видела, как за ней наблюдает Зинаида Ивановна.

– Стучи сильнее! – крикнула она.

Юля постучала еще раз, а потом как-то навалилась на дверь, та заскрипела и открылась.

– Марк Александрович, это журналист Юля Сорнева. Вы просили меня зайти?

В ответ была тишина. Юлька попятилась, не веря своим глазам.

Марк Бельстон сидел за столом с пробитой головой.

– Марк Александрович, что с вами? – запинаясь, сказала она и поняла, что ответа на этот вопрос не будет. Юля перевела дух и огляделась.

– Вы меня слышите?

Он не шевельнулся.

На столе лежали разбросанные письма, и Юлька, повинувшись журналистскому инстинкту, мгновенно сгребла их в сумку и вылетела из кабинета, не забыв сделать фотографию на

телефон.

«Циничная девка, – сказала она себе. – Какая циничная!!!
Первым делом в тебе срабатывает журналист, а потом человек».

Юлька закричала:

– Зинаида Ивановна, Зинаида Ивановна!

– Ты так быстро поговорила?

– Немедленно звоните в «Скорую» и в полицию!

– Зачем? – У женщины округлились глаза.

– У него пробита голова, кровь на столе и вокруг!

– У кого голова? – продолжала недоумевать Зинаида Ивановна.

– Да ну вас к черту! Голова пробита у нашего председателя жюри! – Юлька набрала телефон «Скорой» и позвонила в полицию. – Перекройте коридор, сейчас закончится мастер-класс, и будет перерыв на кофе. И сюда придет сотня журналистов, пытливых, бесцеремонных и пронирыливых.

– Какой ужас, какой ужас!

– Я пойду встречать «Скорую», а вы не стойте, загородите коридор. Есть кому помочь?

– Да, там профессор Маркин и доцент Кириллова.

– Берите в охалку своих научных сотрудников и стойте здесь, никого не пускайте.

– Все, конец фестивалю! Это катастрофа, – сказала Зинаида Ивановна.

– Уже ничего не изменишь, будем действовать по обсто-

ятельствам.

– Да, да, конечно. – Женщина лишь кивала. – За что же его? Такой приличный мужчина!

– Да уж, запомнится мне ваша «Сибирская панорама» «на всю оставшуюся жизнь».

Марка Бельстона через пятнадцать минут уже везли в реанимационное отделение – он оказался жив, и ему требовалась срочная медицинская помощь. Члены жюри неприкажнно ходили по коридору и отгоняли от кабинета, где работали следователи, назойливых журналистов. Новость о том, что Бельстона увезла «Скорая», мгновенно распространилась среди участников фестиваля. Журналисты толпились в коридоре и обсуждали версии.

– Сердце, говорят. Докрутился со своими самолетами!

– Да ладно ты наезжать! Мужик он видный. Только вот голова в крови была.

– В крови? Так какое это сердце?! Что нам Зинаида Ивановна лапшу на уши вешает! Сама лекцию читает «Правда и вымысел журналистики», а на деле – одно вранье!

– Станут тебе правду говорить, тоже наивный! Грохнули Бельстона почему зря, наверное, семья деньги делит.

Журналистские разговоры ни о чем, кто надо уже разбирается, прервала очухавшаяся секретарь жюри Зинаида Ивановна:

– Товарищи участники фестиваля! Я прошу вас собраться в зале для сообщения и дальнейшего обсуждения ситуации.

Журналисты, продолжая переговариваться, нехотя двинулись в зал. Члены жюри в количестве четырех человек с бледными лицами поднялись на сцену, это действие возглавляла пятый член жюри – энергичная Зинаида Ивановна. Именно она начала атаку.

– Уважаемые журналисты! Случилось непредвиденное событие. Такого я, честно признаться, не помню.

Профессора и доценты кивали в знак согласия и одобрения.

Зинаида Ивановна была типичной старой девой, посвятившей себя работе – преподаванию журналистики, но самих представителей этой профессии она недолюбливала. По ее мнению, они были слишком раскованны, особенно «в отношениях».

Что значит «слишком», она себе не объясняла, потому что «отношений» у нее никогда ни с кем не было. Ей никто и никогда не предлагал руку и сердце, она не знакомилась с мужчинами в Интернете и была искренне предана работе. Когда однажды коллега по кафедре, старый профессор-вдовец, пригласил ее в кино, она восприняла это как личное оскорбление. Зинаида Ивановна считала, что ее незаслуженно «задвигают с первой линии», и с заведыванием кафедры журналистики она бы справилась получше многих других ныне руководящих. Сегодня у Зинаиды Ивановны был «звездный час». Ее фотографии непременно должны попасть на первые полосы местных газет, ее интервью станет украшением мест-

ного выпуска новостей. Ей было не слышно, как в зале ее бывшие студенты обменивались репликами.

– Ну, распушилась Зинаида!

– Да у нее эндокринная система не работает, вся женская энергия в голос перешла.

Голос Зинаиды Ивановны и правда стал до того громким, что в актовом зале не нужен был микрофон – каждое слово она выговаривала четко и со смыслом.

– У нас произошло страшное событие – покушение на председателя жюри фестиваля «Сибирская панорама» Марка Александровича Бельстона. Он находится в реанимации, и за его жизнь борются врачи. До окончания работы фестиваля остались считанные дни. Мы с жюри посоветовались и решили, что не будем прерывать ход фестиваля, на проведение мастер-классов приехали именитые люди из столицы, и я думаю, решение жюри будет воспринято с пониманием.

На Зинаиду были направлены несколько телевизионных камер и диктофонов. Техника фиксировала каждое ее слово, что очень вдохновляло выступающую.

– Фестиваль продолжается, продолжается наша работа, о здоровье председателя мы будем справляться ежечасно. – Зинаида наконец завершила речь и осталась довольна собой.

Юля Сорнева сидела в зале вместе со всеми и слушала несуразное выступление Зинаиды Ивановны.

– Мне-то точно не до мастер-классов, – подумала она, вспоминая окровавленную голову Бельстона.

– А ты успела с ним поговорить, с председателем-то? – услышала Юля рядом с собой вопрос. Алтайские журналистки Фая и Даша, с которыми она разговаривала не так давно, тянули ее за рукав.

– Давай колись, Сорнева, мы ведь слышали, что Зина тебе кричала.

– Нет, как я могла с ним встретиться, если он чем-то по голове получил!

– Так ты его видела? – продолжали допытываться девчонки.

– Да я только шаг в кабинет сделала и сразу назад, к Зинаиде, «Скорую» вызывать.

– То есть когда Зинаида тебя кричала, звала и говорила, что Бельстон с тобой хочет поговорить, он еще был в здравии?

– Получается, что так. – Алтайские аргументы были убедительны.

– А уже когда ты пришла, он был без сознания?

– Я вам уже говорила.

– Значит, – не унимались девчонки, шепотом перебивая друг друга, – в эти пятнадцать-двадцать минут на него и напали. А ты что-нибудь видела?

Юлька вдруг вспомнила, что шторка у окна как-то тревожно качалась, тогда ей казалось, что все увиденное пролетело в одно мгновение, но сейчас память начала давать странные подсказки. Ей стало жутко, шевеление шторы озна-

чало лишь одно: тот, кто напал на Бельстона, находился в кабинете, когда туда пришла Юлька, и этот кто-то явно видел, как она умыкнула со стола бумаги. Или ей просто показалось, что в кабинете кто-то был? Она от волнения плохо помнит свой короткий визит к Бельстону.

– Девчонки, простите, я правда ничего не видела. Вон Зинаида Ивановна все знает и обо всем расскажет в сто раз лучше меня.

– Кто тут Юлия Сорнева, газета «Наш город»?! Тебя следователь зовет.

– Ну вот, опять тебя ищут, – завистливо произнесли алтайские журналистки.

Юлька поняла, что ей предстоит встреча со следователем, и обреченно двинулась по коридору.

Глава 6. Когда на тебя покушаются

Анна Красновская никак не могла остановиться – она двигалась по городу ломаной траекторией и была уверена в том, что от такого движения ей станет легче. Напряжение действительно спадало, но из глаз хлынули слезы, с которыми невозможно было совладать.

– Так мне и надо, дурочке, так мне и надо, – говорила она сама себе. По небу плыли белые, скрученные, как жгуты, облака, и ей казалось, что они словно укоряют ее, разлучницу.

Когда Марк Бельстон пригласил ее на ужин, она знала сценарий вечера с самого начала, и он оправдал все ее ожидания. Анна хорошо запомнила красивый ресторан, отдельный кабинет, вечер при свечах, шампанское в серебряном ведерке, креветки с авокадо.

– Сплошные афродизиаки. – Анна решила блеснуть эрудицией.

– Это что такое? – рассеянно спросил Бельстон.

Красновская растерялась – еще подумает, что она самонадеянная выскочка. Впрочем, он ничего не заметил, смотрел куда-то в сторону, мимо нее, все время разговаривал по телефону. У кассира Красновской захватывало дух, когда она представляла, какие сложные производственные задачи решает генеральный директор «Грин-авиа». Анна металась внутри себя и не могла определиться, как ей себя вести с на-

чальником – сразу на все соглашаться или повременить? Да и что значит «на все», когда он не произнес и пяти предложений? Марк Бельстон словно услышал ее и спокойно сказал:

– Проклятая работа! Не обращай внимания. Это не испортит наших встреч.

– У нас будут с вами встречи? – осторожно поинтересовалась она.

– Будут, не сомневайся. Я всегда беру то, чего мне хочется, – резко ответил он. – И не «выкай» мне.

– Хорошо, – покладисто произнесла женщина. Анна находилась под впечатлением от обаятельного Бельстона, романтического ужина и в предвкушении его продолжения. Квартира, куда он ее привез, была похожа на гостиничный номер, но чистая и опрятная. Анна пылала от удовольствия – Бельстон нравился многим в компании, но вот почему он обратил внимание на нее?

– Марк, а почему ты ко мне подошел? Как ты узнал, что я соглашусь на свидание?

– Ты как маленькая, честное слово! Мне еще никто не отказывал. А подошел – ну, обратил на тебя внимание. Радуйся, дурочка!

Анне Красновской не очень хотелось слыть дурочкой, но Бельстон был ее шансом изменить жизнь. Нет, не сделать ее лучше или хуже, а просто изменить. Анне очень хотелось, чтобы появился мужчина, который смог бы заботиться о ней, любить ее, поддерживать и помогать. Любви за год отноше-

ний так и не сложилось – Марк был словно машиной для работы – генеральным директором, а она – просто небольшим аксессуаром в его обстановке. Они встречались нечасто, два-три раза в месяц, на квартире, куда он привел ее впервые и в которой она осталась жить. Квартирка из гостинично-объединенной превратилась в уютное гнездышко вечно ожидающей женщины. Материальный фактор перестал быть для Анны Красновской проблемой – она теперь работала в пресс-службе авиакомпании, новую машину могла себе позволить, дорогую и красивую одежду. Наверное, это было немыслимым достижением для рядового кассира авиакомпании, но Анна так не считала – почти каждая женщина, имеющая богатого и статусного любовника, уничтожает эти мысли как вражеские и преступные, поскольку считает, что она заслужила любовь, даже если это любовь украдкой.

На работе она ловила на себе взгляды насмешливо-презрительные, жалостливо-уничижительные, восхищенно-завистливые. За генеральным директором Марком Бельстоном наблюдала вся авиакорпорация, и выводы про новую «фаворитку» были сделаны оперативно, только на вопрос «надолго ли?» существовали многовариантные ответы.

Сама Анна ответа не знала и делиться могла только с Лизой, да и то нечасто. Лиза, с одной стороны, осуждала Анну за эту связь, а с другой стороны, если связь уже имеет место быть, надо ею пользоваться. Лиза считала, что Анна не прилагает никаких усилий, чтобы остаться с мужчиной.

– Анька, ты совсем ничего не делаешь, чтобы выйти замуж за своего олигарха! – вздыхала старшая сестра, которая никогда замужем не была, и Бельстон казался ей миллионером-небожителем.

– Да уж, повезло – сидеть в съемной квартире и ждать незнамо чего!

– Ты же сказала, что он бывает часто!

– Он дома живет, Лиза, если что! А ко мне навещается.

– Ну, лиха беда начало, – нашлась сестра.

– Какое начало! Что ты придумываешь! Ты с детства была фантазеркой. В этих отношениях нет перспективы. Я тоже, когда он сначала меня пригласил на ужин, была очарована, ошеломлена, если хочешь, ждала его в этой дурацкой квартире бесконечно, сделала из нее уютное гнездышко – и что?

– И что? – переспросила Лизавета.

– Ничто. Секс по определенным дням, подарки, редкие поездки.

– А новое место работы? Ты теперь не кассир, а сотрудник пресс-службы!

– Это тоже бонус к постели.

– Хороший бонус, между прочим. Тебе, Анька, не угодишь! Раз все знала, зачем в постель ложилась? Надо, чтобы он задержался навсегда. Раз уж он тебе достался.

– Да в том-то и дело, что не достался. Мужик просто проходил мимо, увидел красивую куклу и решил поиграться, а кукла как раз была без хозяина. Ее приодели, положили в

новую коробку и теперь достают по праздникам.

– Можно подумать, у тебя после твоего алкаша, бывшего мужа, очередь стояла из мужчин!

– Да, может, и стояла бы, если бы Марк меня не переехал, как трамвай, – голова в одну сторону, ноги в другую!

– Ну, сестренка, не пугай, все у тебя хорошо. Все равно ведь есть какие-то чувства между вами.

– Есть!

– Ну вот!

– Есть, есть, не сомневайся. У него – любовь к своей авиаимперии Бельстонов, которую он ни на кого не променяет. Кстати, в этой империи приветствуется крепкая семья.

– Ну, он же тебя выбрал – ваши тетки там, поди, давятся от зависти и злости.

– Знаешь, кто давится, а кто жалеет.

– Но ведь ты его любишь, Анька!

– Любишь, не любишь... Я уже эти слова забыла. Да, он ко мне хорошо относится, как к красивой декорации. А я... Я первые полгода с ума по нему сходила, надеялась на что-то, ждала. Даже на работе – не поверишь – пресс-релизы научилась писать.

– Отчего ж не поверю, как раз и поверю – ты у нас упертая!

– А потом... Потом угас огонь, потух, зола одна осталась.

Лиза обняла сестру и погладила по плечу.

– Малыш, все обойдется, вспомни, как папа говорил: будет день, будет пища.

Это было так давно! Анна остановилась в своем уличном беге, да и сколько можно по городу кружить!

«Все, успокоилась, сосредоточилась. Надо звонить Лизе, она обязательно что-нибудь придумает». Телефона в сумочке не было, было все: три расчески, несколько тюбиков помады, и даже блокнот с рабочими записями – все, кроме такого нужного сейчас телефона.

«А сколько же времени прошло? Десять минут? Час? На работу надо позвонить, взять неделю в счет отпуска, а потом что-нибудь обязательно придумать».

Ее руки тряслись, и телефона в сумке она никак не могла найти.

– Извините, можно позвонить с вашего телефона? Мне очень нужно, а то я свой не найду в сумке, – обратилась она к прохожему. Мужчина, не раздумывая, протянул ей мобильник.

– Лиза, Лиза. – Анна пыталась говорить спокойно, но у нее не получалось. – Мне срочно нужно с тобой увидеться. Ты можешь приехать... – И она назвала адрес соседнего дома. Сестра сразу же поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Я сейчас буду.

– Спасибо вам, вы так меня выручили.

– Девушка, я бы вам не только по телефону дал позвонить, но и хотел бы продолжить знакомство. Вас можно проводить?

– Спасибо, спасибо, нет. – Анна двинулась в сторону дома, где назначила встречу Лизе.

Сестра приехала действительно быстро, Анна не успела даже продрогнуть.

– Что случилось? На тебе лица нет!

– А какое лицо может быть у человека, на которого совершено покушение! У меня на глазах взорвалась машина, я чудом осталась жива, браслет расстегнулся и упал с руки. Вот он мне жизнь и спас.

– Кто-то хотел тебя убить? Кто это мог быть?

– Лиза, ты себя сейчас слышишь?! Да откуда же мне знать, кто это мог быть!

– Ты думаешь, в машину подложили взрывное устройство?

– Ну а как по-другому взрывают машины? Я не подрывник, машины не взрывала, да и вообще первый раз в жизни видела взрыв своими глазами, а не по телевизору.

– Это жена Бельстона, – уверенно сказала Лиза. – Год она тебя терпела – это критическое время для жены, а теперь решила убрать.

– А зачем? Жениться Марк на мне не собирался. О моей беременности он не знает.

– Так ты беременна?! А почему я об этом не знаю?

– Ну, извини, сестра, не успела доложить. Сама только недавно узнала.

– Это меняет дело! – Выводы Лизы были категоричны.

– Да почему меняет?!

– Да потому, что ты можешь родить наследника! У Марка ведь дочка. А империи нужен мужик. Не дрейфь, Анютка, чует мое сердце, мы прорвемся!

– Прежде чем прорываться, позвони на работу, пусть оформят неделю отпуска – скажи, придумай что-нибудь.

– Домой, Анька, тебе нельзя. Тогда план действий таков: берем у моей подруги ключи от загородной дачи. Сидишь там тихо, как мышь, а я пока буду разведывать обстановку. Марку-то что скажешь?

– Не знаю я, Лиза, пока ничего не знаю. Давай об этом завтра. Спать хочу.

Таксист подвез девушек к дому, где жила подруга Лизы. Анна увидела, что сестра вернулась в подавленном настроении.

– Проблемы с ключом? В жилище отказано?

– Нет никаких проблем – ключ взяла, разрешили жить сколько пожелаешь.

– Тогда что ты дрожишь, Лиза?

– Холодно мне.

Ехать до дачи было минут двадцать, и все это время Анна чувствовала, что что-то произошло, что-то еще, кроме этого злосчастного взрыва. Женское сердце – вещун, ему порой и рассказывать ни о чем не надо.

– Я точно знаю, кому это на руку – убрать тебя из окружения Марка.

– Не придумывай, сестрица, я не так интересна семье Бельстонов, как тебе кажется.

– Но твоя беременность все меняет!

– Только для меня, сестренка. Да если Марк узнает, он заставит от ребенка избавиться, я это чувствую.

– Нет, этот номер у него не выйдет. Я заставлю его играть по нашим правилам.

– По каким правилам, Лиза? Он проглотит тебя и не заметит.

– Я не так проста, как тебе кажется.

– Сестра, воспитательница даже самого крутого детского сада, где ты работаешь, не сможет противостоять генеральному директору авиакорпорации. У вас разные весовые категории.

– Но почему тогда ты ему не звонишь? – с обидой сказала Лиза. – Просишь помощи у сестры.

– Потому что ты самый родной мне человек, а его реакция мне неизвестна.

Напряжение спало, Анна чувствовала, что потеряла опору под ногами, а ноги стали совсем ватными и не слушались. Лиза едва успела ее подхватить.

– Тебе плохо, Анечка? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, только устала очень, и есть хочется.

– Это у тебя от стресса. Бедняжка, такое пережить... А ты точно не будешь обращаться в полицию? Они тебя уже, наверное, разыскивают. Машина ведь твоя.

– Моя. Я совсем об этом не подумала. Сделай что-нибудь, Лиза! Дай мне хотя бы в себя прийти. Я ничего не сообразала, бежала по городу... Да, ты права, полиция будет меня искать.

– Не волнуйся, мы переиграем всех мужиков!

– Господи, ну тебе-то откуда знать? У тебя и мужика никогда не было.

– Зато у меня есть младшая сестра, которая наскребла на одно место много приключений, и это место у нее теперь горит. Кто-то на тебя начал охоту, и этот кто-то не остановится. А может, это сам гражданин Марк решил от тебя избавиться?!

Глава 7. Что бывает, когда не слушаются главреда

Звонил, конечно, Заурский. Он всегда звонит неожиданно и в самый неподходящий момент.

– Сорнева! Что это ты за фото по Ватсапу кинула? Я правильно понял, что это председатель жюри фестиваля гражданин Марк Бельстон в таком состоянии находится?

– Правильно, Егор Петрович, правильно вы все понимаете.

– И у него проломлена голова?

– Угу. Так оно и есть.

– Это твое фото или где-то скачала?

– Авторское.

– А что ты там делала?

– Не могу говорить, как раз иду к следователю.

– Мы фото, конечно, на первую полосу поставим. У нас, как я понимаю, эксклюзив?

– Угу, – прогудела Юлька.

– Текст твой тоже годится. Но только вот мой сказ: ноги в руки – и домой, в редакцию! К черту твой фестиваль. Мне твои приключения вот где. – Юлька будто увидела, как Егор Петрович резко проводит рукой по шее. – Домой, Сорнева, домой! И позвонишь мне после беседы со следователем.

– Угу, – обреченно продолжала она. – Как скажете! Только напоминаю, что фестиваль не мой, а ваш – вы меня туда послали, собственными, так сказать, руками.

Егору Петровичу со своего рабочего места не было видно, как Юлька робко, словно ученица, постучала в дверь, и ей ответил приятный мужской голос:

– Входите, входите, не стесняйтесь!

– Здравствуйте, товарищ следователь. Я Юля Сорнева.

– Здравствуйте, товарищ Юля. Меня зовут Руслан Аванесов. Ну, рассказывайте, Юля, как вы оказались в кабинете у Бельстона.

– Я даже не знаю, с чего начать...

– А вы не стесняйтесь, Юля. Давайте с самого начала.

У следователя Аванесова сегодня с утра болел зуб, а пойти показаться врачу было некогда, целый день оказался загружен так, что Аванесов не мог вспомнить, обедал он сегодня или нет, но, прислушавшись к урчащему животу, понял, что – нет, не обедал. Зуб ныл, и дергало так, что мужчина морщился при малейшем движении, поэтому хотел закончить разговор со свидетелями как можно быстрее.

– Я вам помогу, Юля. Пожалуйста, ответьте на вопрос, почему вы пошли в кабинет к председателю жюри?

– Я пошла, потому что меня об этом попросила Зинаида Ивановна.

– Она как-то объяснила свою просьбу?

– Никак.

– А почему вы не поинтересовались?

– Послушайте, если бы вас вдруг попросил прийти главный прокурор страны, вы бы тоже спросили – зачем?

– Вы хотите сказать, что Бельстон такая большая величина?!

– Хочу! Он председатель жюри нашего фестиваля и, значит, в настоящее время для меня – величина, поэтому я не раздумывала ни о чем, пошла, и все.

– А вы были раньше знакомы с Марком Бельстоном.

– Никогда!

– Тогда почему он выбрал именно вас?

– Да если бы я знала! Самой этот факт покоя не дает!

– Но все-таки у вас есть предположения?

– Никаких! Подумайте сами, ну какие у меня могут быть предположения, если я не была знакома с господином Бельстоном?

– Но Зинаида Ивановна сообщила, что ваши работы вошли в шорт-лист фестиваля и вы одна из претенденток на первое место, на награду.

– Следуя вашей логике, Бельстон решил познакомиться со мной лично как с профессионалом высокого класса, и, наверное, он сомневался в моем профессионализме, а я, вместо того чтобы его переубедить и станцевать «ча-ча-ча», взяла и грохнула его по голове! Вас такая версия устраивает?

– А при чем тут «ча-ча-ча»?

– То есть про все остальное вам понятно?

– Не очень. Для меня женская логика – полнейшая загадка. – Зуб Аванесова снова «задергало». Девушка действовала на зуб угнетающе – он разболелся еще больше. – Так почему «ча-ча-ча»?

– Да потому что Марк Александрович, при всей статусности нашего фестиваля и его на нем председательствования, вряд ли что понимает в журналистских текстах. Он может только сказать, нравится – не нравится.

– А почему он ваш председатель?

– Товарищ Аванесов, вы с Луны свалились? Он финансирует наш фестиваль. Он главный спонсор. Ему не надо понимать в журналистском творчестве.

– Вон как!

– Да я думаю, вы все понимаете. Зинаида Ивановна мои слова подтвердит.

– Да ваша Зинаида Ивановна так распереживалась, что двух слов связать не может.

– Да видела я – трясется, как кефир!

– Как кто? – У Аванесова даже зуб перестал ныть. Юлька пожалала плечами – она ничего такого не имела в виду. Зинаида действительно напугана, это и понятно, такой «подарочек» на фестивале не нужен никому.

– Сравнения у вас интересные, – не унимался следователь. – Никогда про кефир не слышал.

– Ну хорошо, как студень, как холодец. Выбирайте образ, который вам ближе.

– Мне ближе, чтобы вы подумали, что вас связывает с Бельстоном.

– Я вас разочарую, товарищ следователь, нас не связывает ничего. Я почитала о нем в Интернете, когда собиралась сюда в поездку.

– И что?

– Если вам интересно, почитайте сами, там ссылок великое множество. Успешен, женат, руководит авиакомпанией.

– Но зачем-то он вас искал!

– Вот вы у него и спросите. Надеюсь, что он придет или уже пришел в себя.

– Спрошу обязательно, не сомневайтесь.

– Вы так говорите со мной, будто в чем-то упрекаете.

– Меня действительно одолевают сомнения, вы должны быть знакомы с Бельстоном. Он не такой человек, чтобы встречаться с заезжими журналистами.

– Я, между прочим, в своем городе журналист известный, – гордо сказала Юлька. – Можете поинтересоваться.

– Непременно, девушка, непременно. Итак, может, вы когда-то брали у него интервью? – продолжал свои вопросы Аванесов.

– Я пока в своем уме и помню, у каких статусных лиц я брала интервью. Не было среди них Бельстона. Не было, товарищ Аванесов! Но вы в это не верите, тогда я готова сознаться, что мы с Бельстоном тайно женаты, и я приехала к нему в гости под видом журналистки газеты «Наш город».

– Ну, это вы, Юля, хватили! Это ваши сказки журналистские. Не можете вы быть женой Бельстона, он женат на другой женщине.

– Ну и на том спасибо, товарищ следователь.

– Тогда вспоминайте: вот вы зашли в кабинет.

– Постучалась сначала, мне не ответили. Ну, я и зашла.

– Просто зашли?

– У вас опять другие варианты? Мне нужно было упасть в обморок от того, что какой-то Бельстон хочет со мной поговорить?

– Ну, вас, конечно, бельстонами не возьмешь!

Тут Юлькин телефон начал звонить, да так громко, что Аванесов не выдержал.

– Выключите свой мобильник!

– Да не могу, это мой начальник на проводе, главный редактор, покруче Бельстона. Вот там я пляшу «ча-ча-ча»! Я не могу сейчас говорить, Егор Петрович! – пискнула Юлька в телефон. – Меня допрашивают. Помню, что вы сказали, конечно, возвращаюсь домой. Но до конца фестиваля еще два дня! Можно уж я доработаю тут? Вдруг приз какой получу!

– Пока домой вам рано, – покачал головой Аванесов. – Вы у нас ценный свидетель.

– Да свидетель только и увидел, что сидящего в кресле председателя жюри с разбитой головой.

– Что вы еще увидели?

– Кровью стол залит, бумаги разбросанные. Шторы в ка-

бинете задержаны были. Лампа на столе горела. Мрачный, я вам скажу, кабинетик.

– Какие бумаги лежали на столе?

Тут Юлькино сердце сжалось. Про письма, которые лежали у нее в сумке и которые она, конечно, незаконно забрала с места происшествия, она-то и забыла! Впрочем, она поступила совершенно верно, потому что от этих полицейских никогда ничего не добиться. Знает она их отстраненные комментарии для прессы, – следствие ведется, следствие обязательно сделает выводы, следствие разберется. Упускать свой журналистский шанс в этой ситуации она не будет. Расскажет ли она про письма главреду, Юлька пока тоже не решила, ей нужно их сначала прочесть, а то позарилась на чужое, а окажется, что это пустой фант, такое тоже возможно.

– Не смотрела я бумаги, видела их только краем глаза.

– А когда же успели фотографию сделать?

Этот увалень следователь не так прост, как кажется.

– Не смогла удержаться. Я ведь все-таки журналист. А откуда вы про фотографию знаете?

– Я вашего брата почти насквозь вижу. Вы первым делом не о человеке думаете, а о том, как жареное добыть. Я и не сомневался, что вы на месте преступления фото сделали. За него вам, конечно, «отдельное спасибо». Со ссылкой на вашу газету его скоро опубликуют все интернет-издания. Мне за это по полной навалиют.

– Ну, простите, дяденька, – шутливо заныла Юлька. –

Черт попутал. Не помню, как рука сама потянулась к телефону. Была в состоянии стресса.

– И сразу на месте преступления взялись щелкать телефоном.

– Честно клянусь, фото отправлено только главреду. Исключительно на газету работала. Наша законная работа – найти информацию и распространить. Я при исполнении была.

– Не ту информацию распространяете, журналист Сорнева. Мешаете следствию. Надо было сразу вызывать полицию, а не самодеятельностью заниматься.

– А я Зинаиду Ивановну крикнула, она «Скорую» вызвала и вас. Все как надо.

– Не все. Нельзя было фотографии делать, ажиотаж поднимать.

– Не смогла, – честно призналась девушка. – Не смогла устоять. Раскаиваюсь. Но исправиться не обещаю.

– Все с вами понятно, свидетель Сорнева. Надеюсь, что вы до конца работы фестиваля никуда не уедете. Вы уедете тогда, когда я вам разрешу.

– Вот этого не знаю. Мне начальство сегодня два раза звонило и требует, чтобы я немедленно вернулась на рабочее место. Не может без меня газета.

– Ничего, газета подождет. Возможно, Бельстон скоро придет в себя, тогда вы нам можете понадобиться. Надеюсь, он нам сообщит, зачем хотел с вами встретиться.

– Я бы тоже хотела это знать, – согласилась Юлька.

Она возвращалась к коллегам в зал, обдумывая, как же сказать Егору Петровичу, что ей необходимо остаться хотя бы на несколько дней.

Пожалуй, надо сказать правду. Только вот про письма она пока промолчит. Ей надо самой их прочесть. Юля оглянулась и потихоньку открыла свою дамскую сумочку. Письма лежали на месте, и ей показалось, что от них исходит какое-то огненное напряжение.

– Юлька, Сорнева! – перед ней стояла ее одноклассница по журфаку Оля Виноградова.

Девушки обнялись.

– Когда мне сказали, что здесь журналистка из вашего города, я сразу про тебя подумала, а потом увидела твою фамилию среди гостей фестиваля. Ты всегда удивительно оказываешься в ненужном месте, ну, в том месте, где что-нибудь обязательно происходит. Я, между прочим, здесь от пресс-службы «Грин-авиа». Ужасная работа. Одни проблемы, да мне уже все равно, я увольняться собираюсь, нашла место получше. А то здесь – одни приключения.

– Какие, например?

Оля заговорила шепотом.

– Сегодня утром взорвали машину любовницы Бельстона. Ее зовут Анна Красновская, и работает она у нас в пресс-службе. Сама понимаешь, если любовницы вертят пресс-службой, то профессионалы там не нужны.

Глава 8. Фрида и Соня

Она сразу его заметила – красивый, стройный, он выделялся из общей толпы и смотрел на все как-то холодно и отстраненно. Ее опередила Соня.

– Смотри, какие мальчишки! Особенно тот, что повыше. Папа сказал, что это перспективные менеджеры их компании.

Все, что говорил папа – Адольф Гранц, было истиной в последней инстанции. Мама обычно молчала и работала: готовила еду, стирала, обихаживала девочек и любимого мужа, на которого смотрела с обожанием и которого была старше на много лет.

Авиашоу набирало обороты. Синее небо расчерчивали самолеты и вертолеты, на земле гремела музыка.

– Какая красота! – воскликнула Соня. – Папа, ты большой молодец, что вытащил нас с Фридой сюда. Это настоящий праздник, спасибо! Только мне иногда очень страшно смотреть в небо, мне все время кажется, что самолеты могут рухнуть.

– Не волнуйтесь, девочки, это вам не авиашоу «Шормансан», где самолет врезался в автомобили на дороге. У нас демонстрационные полеты параллельно зрителям и поэтому безопасны.

– Смотрите, смотрите! – восторженно кричала Соня. –

Это просто акробатический трюк!!!

Зрители увидели, как самолет устремился ввысь, а затем резко опрокинулся вниз, словно повторяя движение языка колокола.

– Эта фигура называется колокол Квочура, – услышала Соня приятный мужской голос. Рядом с ней стоял тот самый красавец, которого они с Фридой заметили. Он продолжал со знанием дела:

– Фигура названа по имени российского летчика-испытателя Анатолия Квочура, а выполнил он ее впервые в 1988 году, на авиасалоне в английском Фанборо. А сейчас будет «бочка» – фигура, когда самолет поворачивается вокруг своей горизонтальной оси на триста шестьдесят градусов. Первенство в выполнении этого маневра принадлежит американцу Дэниелу Мэлони, было это в 1905 году. Во время Второй мировой войны этот самолетный трюк спас не одну жизнь.

– Вы так много знаете! – восторженно сказала Соня.

– Разрешите представиться, сотрудник авиакомпании Марк Бельстон.

– Сотрудник, подающий большие надежды, – добавил Адольф Гранц.

Соня краем глаза видела, как скривилась в улыбке Фрида, но она же не виновата, что красавец заговорил с ней первой.

– Я хочу предложить вам чашечку кофе, – вежливо сказал Марк. Соня посмотрела на отца, который одобрительно кив-

нул, и ответила: «С удовольствием!» Девушке казалось, что они с Марком знакомы очень давно, и она с удовольствием слушала его рассказы о мировых авиашоу. Кофе был обжигающе горячий, но Соня ничего не чувствовала, она влюбилась в Марка сразу, с первой минуты, бесповоротно и навсегда, и он это понял.

Когда в этот же день Марк познакомил своего брата Льва с ее сестрой Фридой, для Сони все было уже решено: она никому не отдаст Марка, никому и никогда. Вечером, после авиашоу, сестры поссорились.

– Мне не понравился Лева. Мне больше импонирует Марк, – заявила Фрида.

– Мне тоже он нравится, – не сдавалась Соня. – Он выбрал меня.

– Ты просто стояла рядом с папой. Он подошел не к тебе, а к папе.

– Думай, как знаешь, но я влюбилась в него с первой минуты. Я знаю, что я тоже понравилась ему. Он полюбит меня, я это чувствую, женщины ведь это сразу понимают. Это моя половинка. Фрида, не мешай мне, ты все время стоишь у меня на пути. Если я обращаю внимание на молодого человека, ты тут как тут – бесцеремонно встречаешь.

– Я? Встречаю? Я спасаю ситуацию. Это бывает тогда, когда ты себя ведешь как тупица, – теряешься и краснеешь, не можешь связать и двух слов. Это было и с Павликом, и с Сашей... Дальше продолжать?

– Фрида, Марк – это другое! Мы понравились друг другу.

– У тебя каждый – другое, а когда твои ухажеры начинают ухлестывать за мной, ты злишься. Твой Марк – не исключение, он просто не общался со мной.

– И не надо, Фрида! Оставь Марка мне! Ну почему тебе не понравился Лев? Они ведь близнецы!

– Меня львы не интересуют. Если мы сразу его не заметили, значит, он не так интересен, как Марк. Марк затмевает брата.

– Фрида, я повторяю, что он брат-близнец.

– Сонечка, мы с тобой тоже сестры, но более непохожих людей я не знаю.

Соня поняла, что сестра так просто не отступит и надо действовать – промедление подобно смерти. Девушке потребовалось немного времени, чтобы узнать подробную информацию о братьях Бельстонах.

На следующий день Соня сама позвонила Марку и попросила о встрече. Ей показалось, что он не удивился. Соня нервничала, но залпом произнесла речь, которую готовила всю ночь. Она была уверена, что судьба послала ей единственного и неповторимого мужчину и свой шанс нельзя упускать. Слишком долго она этого ждала.

– Марк, возможно, мое предложение вам покажется странным, наглым, бесцеремонным и неприличным, но я предлагаю вам жениться на мне. Мы с вами подходим друг другу, отец поможет нам на первых порах материально, он

человек состоятельный, поможет вам продвинуться по карьерной лестнице. Мне кажется, что я для вас хорошая партия. Вы не пожалеете, Марк! Я буду хорошей женой.

Соня замолчала и услышала, как бешено колотится ее сердце, словно хочет выскочить. Состояние девушки было близко к обморочному. Ей опять показалось, что Марк не удивился, он будто ждал от нее признания, потому что ответил спокойно, бесстрастно и без эмоций, отчего стало немного обидно:

– Я согласен, Соня. Думаю, что мы будем хорошей парой.

Они поженились через две недели – просто пришли в ЗАГС и расписались.

– Думаю, что свадьба – это лишнее в нашем случае.

Соня про «случай» не совсем поняла, но покорно согласилась.

Фрида просто взбесилась, когда узнала об этом, и призвала в сторонники отца.

– Папа, почему ты не остановил ее! – орала Фрида, когда узнала о замужестве сестры. Досталось и Соне.

– Думаешь, он не пожалеет, что на тебе женился? Что он в тебе нашел?

Отец пытался успокоить разбушевавшуюся Фриду.

– Фрида, перестань. Ты, конечно, очень переживаешь за сестренку. Но это выбор Сони. Давай пожелаем ей счастья. Она очень часто в жизни ошибалась в мужчинах. Будет и на твоей улице праздник. – Папа Гранц был великодушен. Он

давно уже мечтал выдать своих дочерей замуж, но как-то не подворачивался случай, и вот теперь Соня первая сделала решающий шаг. Конечно, этот Бельстон – не самая лучшая партия для его дочери, но Соня, похоже, влюбилась, и перечить дочери, даже если так хочет ее сестра, он не собирается.

Соня знала истинную причину гнева Фриды и молчала – папа не должен знать о разногласиях между сестрами. Он всегда считал, что его девочки любят, поддерживают и оберегают друг друга.

Через несколько месяцев Фрида Гранц вышла замуж за Льва Бельстона. Свадьба была богатой, шумной и самой заметной в светской жизни города. Пышный шлейф белого платья брюнетки-невесты несли две маленькие девочки, а свадебный букет состоял из каскадов крошечных белых и розовых бутонов и соцветий и был очень изящен. Лев смотрел на жену с нежностью, и Соня облегченно вздохнула – Фрида никогда больше не упоминала о том, что Марк зря женился на Соне, но на совместных семейных вечеринках Соня видела, как сестра смотрит на Марка, и это ей не нравилось.

За совместную жизнь Соня четко уяснила одно: Марк Бельстон любит только свою авиаимперию, которую он создал при помощи папы Гранца, и Соня сама помогла ему в этом. Пенять было не на кого. Марк был всегда занят на работе, отдавался своей корпорации, на семью времени не оставалось, но внешне они выглядели благополучной парой, особенно после рождения дочери, которую называли в честь

матери Марка Евой.

Фрида тоже родила девочку, которую назвали Машей, так захотел Лев. Фрида была не очень довольна своей семейной жизнью – ей все время казалось, что Марк оттесняет брата, что Лева способен на большее, хотя признавалась, что зачастую считает его увальнем.

– Ну скажи, Соня, что за дурацкое имя – Маня!

– Зря ты так, – защищала родственника Соня. – Красивое имя Мария.

Соне нравился Лева, хотя он был непохож на ее мужа – эмоционального, взрывного, человека действия. Лева же был само спокойствие, сдержанность, самообладание.

– Он ее Манечкой зовет. Маней. Ты только вслушайся: Мааааа-няяяя, деревня какая-то. Да и вообще, мне иногда кажется, что они не братья. Внешне похожи, конечно, но у Марка есть энергия, напор. А Левка все время догоняет его, спешит за ним.

– Ты очень придиричива к мужу, Фрида! У Левы очень много положительных качеств, он человек-позитив.

– Да ну его! Он скучен, он зануда. Мне смешно, когда он собирается всех примирить, говорит о своем желании дарить окружающим добро, потому что окружающие отплачивают ему обратным. Другое дело твой Марк – огонь!

– Когда много огня, можно сгореть, – пробормотала Соня.

Она с детства особо не делилась с сестрой своими переживаниями, а сейчас это было тем более неуместно. Соне все

время казалось, что их союз с Марком временный, однажды он просто не придет домой – и все, их семейная жизнь закончится. Если бы кто-то спросил у нее почему, она бы не ответила на этот вопрос. То, что она сама предложила ему жениться на ней, мучило ее постоянно. Она любила его – пылко, страстно, пряча свои чувства за показным хладнокровием. Но она чувствовала, что Марк словно отбывает повинность: вовремя уходит на работу, иногда ходит с ней в театр, на семейные дни рождения, светские мероприятия, играет с дочерью, но душой он где-то в другом месте, словно на другой планете. Это пугало ее, и порой она задавала ему неудобные вопросы.

– Марк, ты пожалел, что женился на мне?

– У тебя сегодня плохое настроение, Соня? Ты решила испортить его и мне? Мы с тобой обсуждали эту тему десятки раз – у нас хорошая семья, любимая дочь. Чего ты хочешь от меня?

– Мы очень мало с тобой общаемся.

– Это тебе кажется. Ну, во-первых, я много общаюсь на работе и устаю от общения, во-вторых, ты просто засиделась дома, устала от домашних обязанностей. Тебе стало скучно, и теперь ты достаешь меня. Может, тебе пойти работать? Давай мы купим вам с Фридой косметический кабинет, начни издавать гламурный журнал, пойди на курсы кройки и шитья, наконец. Организуй себе развлечение и не доставай меня, пожалуйста.

– Хорошо, я подумаю. – И Соня решила посоветоваться с сестрой. Она где-то читала, что жена должна быть всегда интересна мужу, и если для этого надо идти работать, она готова попробовать. Но Фрида не поддержала идею сестры.

– Ты что, обалдела?! Какой журнал? Зачем тебе это?

– Мне кажется, что женщина должна заниматься не только домом, но и иметь какие-то другие интересы.

– Я домом не занимаюсь, это делает моя помощница. Готовит кухарка. Я иногда гуляю с дочерью, остальное время у меня занято: парикмахерская, косметический салон, кофе с подругами. К тебе тоже в гости забегаяю.

– Фрида, может, нам все-таки попробовать чем-то заняться? Мне одной страшновато, вдвоем будет легче.

– Нет, я в этом участвовать не буду, мне действительно некогда, поверь. Каждый день расписан. Мне кажется, у тебя горе от ума. Как тебе это вообще в голову пришло?

– Мне Марк посоветовал.

– Марк?! Он сказал тебе эту глупость? Наверное, он просто хочет, чтобы ты не приставала к нему со своими проблемами. Он генеральный директор, у него дни расписаны на год вперед. Кстати, ему по статусу положено любовницу иметь! Ты не знаешь, у Марка есть любовница?

– Фрида, ты опять говоришь гадости. Я тебе про одно, а ты мне про другое.

– Не переживай, сестренка, наша мама всю жизнь терпела любовниц отца. Ты тоже будешь терпеть. Или что, набьешь

Марку морду? – Фрида захохотала. – Ты все-таки непроходимая тупица, Сонька! Как Марк мог жениться на тебе?!

– Оставь меня в покое. Оставь в покое Марка!

– Ну, если только он этого захочет, – многозначительно сказала Фрида, и Соня не поняла, что значат ее слова, – обычная провокация сестры или за этим что-то стоит. Фрида умела портить настроение, и делала это с удовольствием.

Глава 9. Приметы следователя Аванесова

Ну не любил Руслан журналистов. Кому-то из его коллег нравилось давать интервью, любоваться своими фотографиями в газете и считать это частью своей профессиональной деятельности. Аванесов речи не любил, предпочитая сосредотачиваться на расследовании. Он вообще терялся при большом скоплении людей, а здесь – полный зал журналистов. Журналисты, по его представлению, были непредсказуемы, как стихийное бедствие. Они трактовали сказанное по-своему, добавляя не только эмоции, но и факты, взятые с потолка, и делая при этом свои выводы. Все это мешало следствию. В своей нелюбви к пишущим людям он был не одинок. Когда-то он читал, что его любимый писатель Эрнест Хемингуэй тоже не любил журналистов, и осознание этого грело следователю душу. История об этом была проста и поучительна. Когда-то испанский журналист спросил у Хемингуэя, действительно ли он собирается в Москву. Любитель корриды, писатель пошутил: поеду с удовольствием, если они там устроят бой быков!

На следующий день газета вышла с заголовком: «Условием своей поездки в Советский Союз Хемингуэй ставит проведение в Москве боя быков».

Следователь Руслан Аванесов был далек от аналогий с великими, но имел свои, проверенные временем приметы. Если в деле замешана журналистка, жди беды. Он чувствовал, что она что-то скрывает, недоговаривает, хотя девчонка была ему симпатична: умненькая, смышленная, но от таких жди собственной позиции, мнения, что Руслану было совсем не надо.

Журналист Сорнева своей энергетикой, упрямством напомнила ему Серафиму, нынешнюю супругу, отношения с которой начались как раз с происшествия¹. Симе он был благодарен: после смерти любимой Нелли он словно выключился из общей жизни и жил только работой. Серафима сделала невозможное: он снова стал чувствовать запах, цвет жизни, ощущать себя нужным. Сегодня у него есть семья, и он ничего не хочет менять.

Он не поверил девчонке – не может она не знать Бельстона, значит, есть какие-то общие знакомые, контакты, которые и спровоцировали не состоявшуюся встречу. Просто название для газетной статьи: «Встреча, которая не состоялась»! Журналистка явно напишет материал в свою газетку, да еще сопроводит свое эксклюзивное фото остроумной подписью. Аванесов за это фото получит нагоняй, начальник не будет сдерживать эмоций:

– Ты мне объясни, мать твою, как фотографии с места

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Людмилы Феррис «Ценник красивой жизни».

происшествия попали в Интернет?! У тебя что там, проходной двор? Гони к черту всех журналистов, отсекай их!

Никаких возражений Аванесова начальство слушать не пожелает, тем более про какой-то фестиваль, где собралась, окопалась, целая сотня представителей этой профессии. Он не может взять и прикрыть это мероприятие, не имеет права, нет у него для этого полномочий. Если на одну единицу площади приходится большое количество журналистов, это тоже для Аванесова было плохой приметой. У него возникало ощущение, что они заглядывают к нему через плечо, во все замочные скважины всех дверей, а следствие любит тишину, поэтому ему сейчас так нервозно и непривычно.

Ему бы разговорить журналистку, расположить к себе, ведь преступник мог ее видеть, и непонятно, как он себя поведет. Девушка нужна ему как партнер, соратник, а он повел себя неправильно, начал нападать, вот и получил от нее по полной программе. Пока он возьмет тайм-аут, а вместе с ним и подписку о невыезде, чтобы она не вздумала уехать. Он набрал телефон больницы.

– Нет, Марк Александрович еще не пришел в себя. Делается все возможное.

Эта была еще одна примета следователя Аванесова: если пострадавший не приходит в себя в этот же день, дальше появляется большой, нарастающий ком проблем. Хорошо, он будет ждать, он умеет ждать, но что такого мог сделать этот авиакороль, чтоб его кто-то треснул от души по голове ко-

чергой? Эксперты сказали об этом уверенно, да и кочерга со следами крови валялась рядом с креслом, отпечатки были тщательно стерты, но поскольку кочерга была брошена, Руслан сделал вывод, что журналистка явно спугнула преступника, и он спрятался за массивной зеленой шторой, которая висела в кабинете, и оттуда мог наблюдать за происходящим.

Информация, которую он только что получил про Марка Бельстона, тоже не предвещала ничего хорошего. Аванесов знал, что если в деле замешан высокопоставленный человек, то трудности нарастают в геометрической прогрессии. Скоро ему будет звонить начальник и рассказывать, что на него «давят сверху» и дело надо расследовать в кратчайшие сроки, надо определяться с подозреваемым и кого-то обязательно задержать, чтобы «общественность успокоилась». Аванесову сейчас нужны новые факты, новые свидетели, потому что без этого двинуться вперед невозможно.

– Вы меня вызывали? – Рядом с ним возникла женщина.

– Приглашал, Зинаида Ивановна, приглашал. Извините, что оторвал вас от анализа конкурсных материалов, это, кажется, так называется? Но у нас тут свои материалы вырисовываются.

– Я понимаю. – Она обреченно кивнула.

– Вы для следствия очень важный свидетель, детали, которые вы могли подметить, могут оказаться бесценными.

– Я понимаю. – В ее фигуре читалась безысходность, да и вся она была какая-то понурая, и Аванесову это решитель-

но не нравилось. Вялые свидетели тоже были плохой приметой, не потому, что путались в показаниях и выдавали желаемое за действительное, а потому, что были к происшествию безразличны, значит, на детали внимания не обращали, и, похоже, Зинаида Ивановна как раз представляла такой случай. Зуб почти перестал болеть, но раздражение не проходило, оно перешло на Зинаиду, потому что она должна была знать ответ на вопрос, зачем Бельстон позвал Сорневу. Он был уверен, что отгадка кроется именно здесь, но как убедить унылую женщину поделиться эмоциями, если их у нее нет?

– Мне очень важно знать. Очень. Почему Марк Александрович попросил вас позвать журналистку Сорневу? Мне это важно. Очень. Очень. – Он подчеркнул это слово который раз и внимательно посмотрел ей в глаза. Глаза у свидетельницы были испуганные, словно за ней кто-то гнался, и от напряжения она стала говорить шепотом:

– Да откуда мне знать, мало ли что этим олигархам в голову придет. Может, он молоденьких девчонок любит. – Она сама испугалась того, что произнесла.

– Зинаида Ивановна, дорогая, вы кандидат наук, а значит, женщина умная и мыслите логично. Так?

– Наверное.

– Следите, пожалуйста, за ходом моих мыслей. Журналист Сорнева утверждает, что раньше никогда не встречалась с председателем жюри вашего фестиваля Марком Бель-

стоном, и я ей верю. Она живет в другом городе, работает в газете и как журналист успешна. Так?

– Наверное, – повторила она снова, словно других слов в ее кандидатском лексиконе не было.

– Пожалуйста, вспомните, что предшествовало тому, что он обратился именно к вам с этой просьбой. Как это было, и, наконец, почему человек, далекий от журналистики, становится председателем жюри? Есть этому объяснения? Если вы уверены в том, что Сорнева нравится или нравилась Бельстону, то расскажите, что вы знаете об этом.

Зинаида Ивановна заморгала и начала успокаиваться, потому что вопросы, кроме последнего, показались ей несложными, в них не было тревоги, а только участие. И потом, следователь сам сказал, что она женщина умная, – многие вон кандидатские покупают, а она все сама и сама, от первого до последнего листка. Про молодых девчонок, которых любят олигархи, она просто брякнула от нервов – не каждый день такие происшествия случаются. Скрывать Зинаиде было нечего.

– Да с конкурсами всегда проблемы, финансовые. Спонсоров надо найти. Вот администрация области и обратилась к богатым людям. Бельстонам нравится, когда про них пишут. Представители генерального спонсора логично и возглавили жюри.

– И что, большие деньги требуются на проведение таких мероприятий?

– Для «Грин-авиа» это копейки. Оплата работы жюри – это раз, призы победителям, десять ноутбуков, – это два. Сюда еще надо прибавить питание – пункт третий, все остальное – за счет самих участников. Все, кто участвует в фестивале, – журналисты, и они обязаны написать о нем заметку с указанием генерального спонсора – «Грин-авиа». Тоже хороший пиар.

– Вы правы, Зинаида Ивановна. Пиар, он тоже денег стоит. Марк Александрович действительно интересовался фестивалем или был «свадебным генералом»?

– Да что вы, ничем он не интересовался! Побыл на открытии, с удовольствием давал интервью, выпил с нами, членами жюри, кофе, шутил, смеялся и откланялся. Пожелал нам успешной работы. Я думала, что мы его увидим только на подведении итогов, при раздаче призов.

– А он пришел сегодня, – подытожил Аванесов. – Почему, как вы думаете, он сегодня появился?

– Не знаю. – В ее глазах опять появился страх. – Правда, не знаю. Зашел в зал, где работало жюри. Помахал мне, сказал, что будет в своем кабинете, попросил зайти.

– У него тут был свой личный кабинет? – удивился Аванесов.

Теперь пришла очередь удивляться Зинаиде Ивановне.

– Я же говорила, что он генеральный спонсор. Это же Дом культуры «Грин-авиа». У него свой кабинет здесь, где его, – она махнула рукой, – ну, стукнули по голове.

– Вы пошли к нему сразу же?

– Минут через пять-десять, я не засекала, но не каждый день вас олигархи к себе приглашают. Думала, что он хочет про интервью уточнить.

– Это какое интервью?

– Мы договорились, что он накануне закрытия фестиваля даст интервью пяти крупнейшим газетам региона.

– Это тоже обязательства участников?

– Ну, в общем, да. Это просьба администрации, ну а журналисты не возражали. Мы с ними темы обговорили – их много что волновало, например, почему самолеты падают, как обстоят дела с безопасностью в авиакомпаниях.

– А что, в «Грин-авиа» есть проблемы с безопасностью?

Зинаида пожала плечами.

– Не знаю, про аварии не слышала. Темы пресс-служба Бельстона согласовала, и я думала, что он хочет что-то просто уточнить.

– А оказалось?

– Оказалось, он про интервью ничего не спросил. Попросил позвать журналистку Юлию Сорневу.

– В каком он был состоянии – расстроен, раздосадован, весел?

Зинаида удивленно посмотрела на следователя.

– Да по нему никогда не скажешь, какое у него настроение, он... – Она замялась, подыскивая слова. – Он холодно-безразличен всегда. Бесстрастен.

– Вас не удивила эта просьба?

– Нет. Я подумала, что это договоренность на очередное интервью, и пошла звать Сорневу. Все остальное вы знаете.

– То есть вас ничего не удивило?

– Ни-че-го, – отчеканила она ответ. – Ничего.

Тут больше можно не докапываться. Она действительно ничего не почувствовала, эта умная и испуганная тетя Зина. Но все равно разговор был не напрасный.

Черт возьми, зачем же Бельстон звал к себе ранее незнакомую Юлю Сорневу?! Пока он не найдет ответ на этот вопрос, он не успокоится.

Глава 10. Лев Бельстон

Он с детства привык слушаться брата и доверять ему – Марк всегда был уверенней, решительней, умел убеждать, и Лева всегда казалось, что он тоже думал так, как Марк, только не мог четко сформулировать. А еще он знал главное: Марк никогда не даст его в обиду и сделает то, что полезно и важно для них обоих. Когда-то в школе он было усомнился в этом – Марк убеждал его попробовать курить. Лева было стыдно признаться, что курить сигареты ему не понравилось, – они пахли навозом и горечью.

– Ты ничего не понимаешь, брат, – сказал Марк, важно пуская изо рта кольца дыма. – Это настоящее мужское занятие. Курили все великие философы, например Зигмунд Фрейд, а также твои любимые художники Пабло Пикассо и Ван Гог.

Лева хотел было возразить, что, наверно, обкурившись и напившись абсента, Ван Гог и отрезал себе ухо, но спорить с Марком не стал. Он предпочитал вообще не спорить с братом, потому что считал спор попыткой самоутвердиться за счет другого. Спор не имеет отношения к поиску истины, это борьба, соперничество, а соперничество с братом не имело смысла.

Когда родители увидели курящих сыновей, дома был большой скандал. Лева пытался как-то объясниться, за что

получил больше, а Марк молчал. С курением как занятием опасным было покончено. Марк объяснил это просто:

– Пора взрослеть, брат, заканчивать с подростковыми глупостями и забавами, надо заняться здоровым образом жизни.

И братья пошли в «качалку».

В их дуэте Марк всегда был той самой «батарежкой энерджайзер», он генерировал идеи, часто сомнительные, как, например, поход на кладбище. Это было в седьмом классе. Они вместе читали приключенческую и детективную литературу.

– Нам не хватает приключений, интересных событий, – произнес вдруг Марк и предложил, когда стемнеет, сходить на кладбище.

– Зачем? Что мы там будем делать? – удивился Лева.

– Затем, – отрезал брат. – Мы сидим в благоустроенной квартире, читаем о приключениях, а сами не хотим сдвинуться с места. Мы просто слабые люди, а должны быть смелыми.

– Мы обычные, нормальные люди. Ты собираешься в поход за золотым руном?

– Я хочу проверить, испытать нас на смелость, я хочу знать, страшно нам будет или нет.

– Понятно, – огорченно сказал Лева. Раз Марк произнес «нам», значит, ему не отвертеться. – А зачем обязательно на кладбище? Можно что-то попрличней?

– Кладбище – это как раз самое нужное место.

Лева разозлился. Идти на кладбище, да еще вечером, ему совсем не хотелось, но выглядеть в глазах брата трусом не хотелось вдвойне. На следующий день Марк заговорщически сказал:

– Вечером идем.

На кладбище Лева был второй раз в своей жизни, первый – когда Бельстоны хоронили бабушку, но тогда он мало что понял и только глазел по сторонам. Нынче кладбище показалось ему островом страха и негатива.

– Мы что тут будем делать, Марк?

– Подожди, дай оглядеться. Здесь где-то братская могила городских начальников, их самолет упал.

– Почему? Что случилось?

– Не знаю, вроде двигатель сломался. Пожар был.

– Я не слышал об этой истории.

– Мне папа как-то рассказывал, у него там знакомый был.

– А почему самолеты падают?

– В России всегда проблем хватает, в том числе и с самолетами.

– Да при чем тут Россия, самолеты падают по всему миру! – Левке всегда хотелось дойти до сути.

– Отстань, брат, не до самолетов.

Они остановились у памятника погибшим в авиакатастрофе. Лева невольно поежился.

– Страшно тут, давай пойдём отсюда.

– Мы должны себя проверить. Мы ведь не трусы! – Марк подошел к какой-то могиле и начал раскачивать стоящий на захоронении крест.

– Марк, не надо, пожалуйста, не надо! – Льву хотелось закрыть глаза. Ему казалось, что земля могилы заходила ходунном, и он закричал: – Марк, не надо, не надо!!!

Привлеченный то ли его криком, то ли тем, что какие-то подростки что-то делают у могилы, к ним быстрым шагом подошел незнакомый мужчина. У него в руке была лопата.

– Что вы тут делаете, ребята?! Зачем тревожите мертвых? Крест не трогай. Не трогай, я сказал!

Марк бросил крест, и они побежали к выходу. Братья отдышались уже за воротами кладбища.

– Я говорил тебе, говорил! – чуть не плакал Лева. – Говорил!

– Да ладно, – отмахнулся Марк. – Ничего ведь не произошло, он нас не догнал.

– А мертвые, зачем нужно было вытаскивать крест из земли? Вечно ты со своими идиотскими придумками!

На Леву эта «кладбищенская» история произвела такое негативное впечатление, что еще несколько дней он не разговаривал с братом. А потом, потом, в выпускном классе, Лев Бельстон влюбился в одноклассницу Машу. Это было неожиданно, спонтанно, ярко, так, как бывает в первый раз, когда кажется, что это навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Лева словно в первый раз увидел, разглядел свою од-

ноклассницу Машку, с которой встречался все десять лет по несколько раз в день. Он провожал ее из школы домой, они говорили обо всем на свете и, казалось, не могли наговориться, так хорошо им было вместе. Недоволен был Марк, который в одночасье потерял влияние на брата:

– Левка, ты прямо как в сказке – все болота исходил и лягушку себе нашел!

– Оставь меня и Машу в покое! – Леве не хотелось ругаться, но если Марк еще попробует сказать что-то обидное про Машу, он за себя не ручается.

На какое-то время Лева словно отдалился от брата и наблюдал за ним со стороны. Марк был прагматиком – про Машу больше не заговаривал, но активно обсуждал слевой дальнейшие жизненные планы. У Марка по жизни были большие амбициозные планы, в которые он посвящал брата.

– Мы должны научиться зарабатывать деньги. Много денег.

– Марк, зачем тебе много денег? Деньги – это зло. Большие деньги заработать честным путем нельзя.

– Брат, мне иногда кажется, что ты с другой планеты! Еще скажи, что иметь много денег нечестно и неэтично, когда вокруг много нуждающихся людей. Открой глаза, Лева, будь реалистом! Я, конечно, люблю и почитаю своих родителей, но вкалывать, как они, с восьми до восемнадцати за копейки не хочу и не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.